

Дарья Гущина

Забутые 3:
Хранители перемен

16+

Забытые

Дарья Гущина

Забытые-3: Хранители перемен

«Автор»

2022

Гущина Д.

Забытые-3: Хранители перемен / Д. Гущина — «Автор»,
2022 — (Забытые)

Древние земли Шамира хранят немало загадок – ловушки Стужи разбросаны и по Обжитым, и по заброшенным пределам. Но не меньше тайн кроется и в самих героях. И мало обезвредить убийственные чары Забытого, надо ещё и понять, для чего мир позвал на помощь столько разных людей. У каждого есть своё важное место в истории, о котором необходимо узнать «до», чтобы помочь, а не навредить. А время тает. До «без четверти весны» и последнего нападения Стужи остаётся всего ничего. Третья и заключительная книга цикла.

© Гущина Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Правая рука Стужи	7
Глава 2. Осколки	23
Глава 3. Город-из-теней	37
Глава 4. Кладовая мрака	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дарья Гущина

Забытые-3: Хранители перемен

Пролог

Шамир – слабак...

Стужа стоял на скальном выступе Иглы – самого высокого пика Восточной гряды, – и смотрел вниз, на мелькающий в облачных просветах мир. Он должен был измениться, полезно и необратимо, ещё тринадцать людских поколений назад, но...

Шамир струсил.

Сначала сам задумал ветвь новой волшебной крови. Сам всех смутил. Сам начал. Сам разрешил первые опыты. А после испугался. Испугался первого же итога – нежити. Будто не знал, что с первого раза ничего не получается. Забыл, какая цепочка неудачных решений и странных народов связывает первых паразитов и последних людей.

Да, холодная кровь – невероятная удача. Совершенно пустые – и готовые вобрать и усвоить всё, что дадут. И применять после без ограничений, используя то, из-за чего Шамир и затеял опыты – его же излишки силы. Они миру – как кость в горле. Мусор, копившийся веками со времён паразитов. Из-за него он даже чаровать почти перестал – боится, что очередной «мусорный» кусок вызовет стихийное бедствие.

Не то самолично стёр бы в порошок всех неугодных.

А от каждого народа оставалось столько мусора... Тёмного, мощного, разрушительного. Часть пошла на мелочь вроде Горюшек, часть – на создание Гиблой тропы. А после фантазия Шамира кончилась. Из тьмы не создать свет. Из урагана – послушный ветер. И мир предпочёл не чаровать вообще, чтобы не копить новый мусор.

А вот старая кровь от этого отказываться не собиралась. И чаровала. И мусор копила. И часть своей силы посмертно возвращала Шамиру, у которого собственной-то – через край.

Мы здесь не нужны.

В том виде, в каком нас создали, – нет.

Бесконечные чары старой крови однажды – через столетие, два, три – приведут к бедствию, с которым не сравнятся никакие Забытые. Поэтому и были придуманы вернувшиеся. Сила Гиблой тропы позволяет им использовать то, что знающие называют стихийной силой. То есть мусор. Но они – не только уборщики.

Новая ветвь.

Хранители перемен.

Те, у кого хватит сил не только убрать старое, но и создать новое. Шамиру стоит лишь подсказать – что, зачем, почему... Стоит лишь не бояться. И не трястись над своим прошлым.

Но – нет. Мир – как нищий мастеровой. Который забил свою древнюю конуру хламом и трясётся над каждым горшечным черепком или безобразной дырявой чашей как над величайшим сокровищем. И расчищать место для нового, избавляясь от неудачных поделок, он не желает.

Лучше сразу отказаться, испугавшись первой же нежити, чем рискнуть, выбросить хлам – и освободить место для действительно полезного, да, Шамир? Или ты полагаешь, что добился своего, сотворив знающих – этих слабаков с бездной ограничений?

Он, конечно, смолчал. Мир всегда молчит в ответ. Лишь искрам *позволяет* до себя докричаться. Но и это можно исправить. Мы смогли создать новых себя – и сможем создать нового тебя. Впоследствии.

Зачем оставлять древнюю конуру на хорошем, просторном, полном силы и солнца месте? И зачем нужен дряхлый и немощный старик в чистом доме? Ладно, выделим из уважения к старости комнатку – дожить свой век. И не более того. Но прежде...

Стужа снова глянул в облачные просветы.

Прежде – закончим начатое. Перекуём умную старую кровь в новую. А глупцов и прочую рухлядь – в топку. Для создания новой волшебной крови требуется много силы. Очень много. И силы живой, созидающей, без тени Гиблой тропы.

Скала дрогнула.

Забытый улыбнулся.

Наконец-то. Вот и гости.

Глава 1. Правая рука Стужи

– Осторожней с паутиной, – озабоченно говорила Светла, когда я старательно плела из искр собственно паутину. – Мы такими редко пользовались, потому что непонятно, где ты из неё выйдешь – в болоте, на крыше города или в чьей-нибудь спальне. Мы предпочитали на перекладных добираться до нужного города и там создавать общую и вечную, звеном в цепи остальных. Не торопись. Верна, не торопись! Лучше потеряй пару мгновений, но сделай сразу. Переделывая неудачное, времени потратишь куда больше.

Я старалась не торопиться, но руки не слушались. Перед глазами стоял осколок чужой памяти – я видела, как проворно сплела паутину дорог Славна, и теперь просто повторяла, почти не слыша подсказок кровной наставительницы.

– Хорошо, – одобрила она, когда от солнца в моих руках на снегу появилось восемь узких теневых тропок. – Очень хорошо. Брось вещи здесь. Потом за ними вернёшься.

– А смогу? – я посмотрела на тени дорог.

– Пару дней паутинные вход-выход и коридор продержатся. Иди. Не бойся. Ты всё сделала правильно. Вёрст на пять-семь твоих сил хватит, а там... Посмотрим, куда пути выведут. И надеюсь, нам повезёт.

Дядя Смел молчал с тех пор, как Зим исчез. Он остро переживал подставу, винил во всём Шамира и молчал из последних сил, чтобы не ругаться. Я его понимала и с подставой была полностью согласна. Зим же, считай, из моих рук ускользнул. И именно тогда, когда я закончила исследовать склеп памяти и проснулась, ни раньше ни позже. Наверняка чтобы я... успела? Куда? Не знаю, но...

Ух.

Паутиной я занималась уже наверху, в Долине тысячи ветров – Хитра сразу предупредила, что внизу чары не сработают. Гробницы зачарованы от чужих перемещений – и судя по тому, как шустро догнал Славну и её приятеля вернувшийся, явно не зря. Вёртка, поджидая меня, перетащила наверх все наши вещи, но – права Светла. Куда мне сумки... Только мешать будут. Пусть подождут у камня-гриба. Основную свою возьму, чтоб отсутствием не отвлекала, и хватит.

– Ну, Шамир, – шепнула я, растирая на ладони каплю крови Зима и ощущая направление поисков, – с тобой, что ли?..

Ветер мягко подтолкнул в спину – на север, вдоль Восточной гряды. Я выдохнула и шагнула вперёд – опять в солнечный коридор. Но отличающийся от прежних. Наверное, потому что он мой – и для меня. Светлый, свободный, лёгкий – я сделала семь шагов и выбралась из него, запыхавшись, но почти не устав.

А вот время тропа «ела» не хуже предыдущих. И даже лучше.

Мы с Зимом спустились в гробницы ранним вечером прошлого дня. Склеп памяти незаметно отнял у меня целую ночь. С рассветом я шагнула в паутину. А сейчас время к полудню. А вокруг – лишь горы, горы, горы... И никаких обломков старых городов. И никаких следов знающего.

Я нарисовала в воздухе поисковую ракушку, но она быстро потухла. Паутин искрящих поблизости не было, лишь моя мерцала на сером боку скалы, с которой я крайне удачно разминулась.

– Смел, придётся рискнуть, – тихо сказала Светла. – Помолчим денёк, зато у Верны будет безопасный путь до цели.

Точно, они же умеют чаровать. Оба. Хоть и духи.

– Племяша, – голос дяди дрогнул, – обещай забыть всё, что подсмотрела в склепе! И ничего не применять... что бы ни случилось!

– Клянусь, – пообещала я сразу и честно.

Вот ещё, так рисковать, когда столько сделано... и так много интересного впереди!

– На эту паутину уйдут все наши силы, – напряжённо напомнила Светла. – День-два мы ничем не сможем тебе помочь – ни чарами, ни советом. И прежде чем бежать за Зимом... хотя бы поешь.

Я быстро нашарила в сумке несчастный подмёрзший укроп. И лишь тогда и заметила, как сильно дрожат мои руки. Аж пальцы сводит – не то в предвкушении... не то всё же от страха. Наставители, само собой, тоже это отметили и зашептались – тихо-тихо, чтоб их. Я быстро бросила прислушиваться и усердно жевала, насторожённо поглядывая по сторонам. Но вокруг стояла такая тишь...

Доедала я уже в наставительском молчании. А после, едва я закрыла сумку, капля крови Зима зашипела, задымилась, и надо мной вспыхнуло мощное солнце. И тени на земле, от моих чар напоминающие червяков, шевельнулись крупными хищными змеями. И Шамир властно подтолкнул в спину – всё туда же, вдоль гряды, строго на север.

Предчувствие неизвестного придало сил, и по солнечному коридору наставителей я не прошагала – пролетела, почти не «прилипая». А может, это из-за знающего и его холодной крови прежняя паутина дорог казалась такой тяжёлой – сейчас уже не проверить. Но путь был лёгким на удивление. И после него осталось много сил – тоже на удивление.

И место, куда привела паутина, опять же удивляло.

Чистое поле – ни деревьев, ни холмов, ни городских останков. Справа, скрытая сизой сумеречной дымкой, темнела далёкая Восточная гряда. На предночном небе горели первые звёзды. А в остальном, покуда хватало глаз, сплошной снег. Ровный, как ладонями тщательно разглаженный. Колко искрящий, хотя солнце давно спряталось. Тонким слоем – я сразу провалилась, но лишь по щиколотку.

– Вёрт?..

Подруга высунулась из-под куртки и уверенно запищала: ловушка. Я чужих чар не ощущала, но она, древнее создание, чувствовала тоньше и сильнее любой старой крови.

– Но выбора-то у нас нет, так? – негромко спросила я.

Ветер снова подтолкнул в спину. Я глубоко вздохнула и шагнула вперёд. И успела сделать лишь один шаг. Вокруг меня взметнулись снежные стены – и почти сразу же опали, я едва успела выдохнуть.

Поле исчезло. Вместо него – огромная ледяная пещера. Запредельно высокий потолок, стены в крупных мерцающих кристаллах льда, мутные ледяные наросты частоколом на полу, пар изо рта. И очень-очень холодно, даже для меня. Даже вечно растёгнутая шубка и ненужная телогрейка-вязанка с тоской вспомнились.

Я застегнула куртку, достала из сумки шапку, до глаз обмотала лицо шарфом и с радостью обнаружила в карманах варежки. Вёртка начаровала тепло и с прежней уверенностью заявила, что это не морок – мы действительно переместились. И теперь стояли где-то в сердце Восточной гряды, не под землёй, не у вершины, а где-то между.

– Чуешь Зима? – я огляделась.

Ледяная тропка, виляя меж наростами, убегала в полумрак, и куда идти – назад, вперёд? А ещё в стене неподалёку чернеет приметная широкая расщелина – третий путь.

Вёртка скользнула на пол, пошуршала по пещере и указала хвостом назад. Ветер-Шамир с ней согласился. Я поправила сумку и поняла, что не удивляюсь – ни перемещениям, ни ледяному логову. Напротив, они принесли странное удовлетворение – и подтверждение.

Если Зной – искрящий, то Стужа, понятно, безлетный. А я сама видела в Лоскутном, как они двигаются – только что были на крыше, а через вдох-выдох уже в конце улицы. И обрывоч-

ные знания Добры подсказывали: да, безлетные и большие расстояния способны преодолевать за доли мгновений. И почему бы им не иметь те же свои паутины дорог? И для себя, и для тех, кого Стужа жаждет видеть? И для тех, кто по глупости в его сети попадётся?

И я с содроганием подумала, что, наверное, не все искры сгорели от собственных опытов. Кто-то и в западню мог угодить. И – тем самым разбудить сокрытое?.. А я-то гадала, что случилось два года назад, когда Шамир начал предупреждать о скорой беде...

Пока я быстро плела заготовки чар и браслетами разбрасывала их по запястьям, Вёртка изучила пещеру, сползала вперёд и вернулась очень озадаченной. Глазки-солнышки ощупали меня с головы до ног, и подруга с разбега нырнула в мою сумку. Я тоже озадачилась, наблюдая, как она роется в вещах. Ничего же особенного там нет. Укроп, смена белья, запасные штаны с рубахой, кошель, писчие принадлежности да кое-какие чайные травы.

И амулет-«имя». Даже два.

Вёртка подбросила в воздух сначала амулет-«имя» Зима, который я как забрала у него ещё в Ярмарочном, чтобы знающий не спалился, так и забыла вернуть, закрутившись с делами. И Зим забыл попросить обратно – или постеснялся, или не хотел лишний раз нарываться на «хладнокровного». А следом вылетел второй амулет – Вьюжена, найденный в темнице.

– И что это значит? – я нахмурилась.

Капель крови-то мы в «именах» не носили, как и чар. Амулеты служили обычными указателями на нас как на носителей силы и пропусками в остроги. Всё.

Но так думала лишь я. Вёртка считала иначе.

– Уверена? – я изумлённо уставилась на подругу. – Здесь, в пещере, есть следы Вьюжена? Но этого не может быть! Он же умер в Ярмарочном!

Она качнула головой. Глаза-солнышки разгорелись от возбуждения. Нет, заявила Вёртка однозначно, погибший знающий здесь был, причём совсем недавно. «Имя» впитало много пепла силы – остатков чар, но я их не ощущаю, потому что умею искать лишь пепел искрящих. И вообще не по зубам мне безлетные и их тонкое, скользкое как лёд, чаротворство. Попробовала бы поискать – лишь «соскользнула» бы, как с теми старостами из Заречного – любителями великих дел. В них я тоже не ощущала силу, «соскальзывая», едва начав поиски. А она, Вёртка, просто не проверила амулет-«имя». Ни нужды не было, ни подозрений... до сего момента.

Я тяжело села на ледяной камень и зажмурилась, *понимая*.

Вот почему меня так дёргало на это проклятое слово «вьюга». Вот что не успело рассказать воспоминание Ясена – тогда, в Сердце, когда Зим бездумно разрушил чары искрящего. Оно не успело назвать имя Забытого.

Вьюжен – это и есть Стужа. Забытый, который, если верить Зиме, проснулся больше пяти лет назад и долго таился среди знающих. И никто, ни одна сволочь, не понял, кто он такой.

«Скользкие» чары», – шепнула Вёртка.

Однако события в Ярмарочном принимают странный оборот. Зачем разбудили душу Светлы – понятно, чтобы Стужа набрался необходимых сил. Судя по воспоминаниям погибших, Забытым всё равно, что поглощать. Любую солнечную силу усвоят, а Стужа дико потрагился, пробивая стену в Сердце и выплёскиваясь ранней зимой. Но в Ярмарочном, напротив, он ещё больше выложился из-за Зима – да так, что не смог удрать из темницы в прежнем теле. Зачем он поднимал стены снега? Что пытался начаровать, закрывая город? Почему не пришёл в дом старосты сам, чтобы забрать душу искры? Он же считался знающим, его бы всюду пропустили.

Ничего не понимаю...

А Зим каков? Как он там сказал?

«Дружили мы. Вернее... У нас же в общине не дружат. И никого не любят. Это не принято. Но бывает, что люди в чём-то сходятся. Притягиваются. Общаются».

Притягиваются, значит?

«И я его знал, Ось. Он в ту же зиму появился, когда и я. Мы неплохо общались».

И теперь я, кажется, понимаю, кто ты такой.

Доказательств, да, маловато – карта на коже, очевидно ведущая в логово Стужи, три куска силы безлетного вместо одного и домыслы... но всё равно жутко. И все твои, Зим, точные вопросы, и моментальное понимание, и верные догадки про ту же старую кровь, обязательное совпадение сезонов и Бурю... И даже непомерное любопытство касательно Забытых... Это память. Это отголоски памяти. В отличие от большинства вернувшихся, ты, Зим, память не потерял, нет. Тебя от неё отрезали. Но она осталась – там, за пеленой снега. И время от времени просачивается наружу и даёт о себе знать. А ещё, конечно, мертвецы, внезапно очнувшиеся от твоих простеньких чар. Сомневаюсь, что их пробудил бы обычный зимник. Теперь – сомневаюсь.

Как же хочется ошибиться...

Но Зим – или просто вернувшийся из удачных опытов, когда Шамиру ещё помогали искрящие, то есть невозможное ископаемое... Или осколок души Стужи в человеческом теле.

Вёртка тихо пискнула, напоминая. И меня догнало очередным озарением.

Безлетные дробятся на десятки осколков. И зверь Стужи, и дыхание, и память знает, что ещё, – это всё частички одного безлетного. Шамир отнял у безлетных способность к распаду... и Стужа не смог «собраться». Вместе с ним невольно пострадали и другие безлетные, но ослабить Забытого было важнее. А теперь способность вернулась.

Почему? Только ли от большой беды?

Подруга снова пискнула.

– Да, – кивнула я. – Согласна. И в знаниях Добры что-то об этом есть. Собраться безлетный сможет лишь целиком. Уничтожь одну частичку – всё, он навеки останется раздробленным. Поэтому после Забытых появилось так много псов, птиц-вестников и Уводящих. Это те, кто не смог соединиться. Но не смог и Стужа. И уже не сможет. Мы посекали и зверей, и дыхания. А сколько ещё осталось? Знать бы, на сколько частичек они дробятся...

Вёртка повернулась и красноречиво указала кончиком хвоста в сумрак коридора. Но, едва я встала и храбро поправила сумку, оттуда безумным вихрем вылетел Вьюж. Опять весь в снежинках и сияющий, опять видимый и напуганный. Как тогда, в Лесном, когда Зим угодил в старую ловушку. Странник заметался вокруг меня... точно не пуская.

– Стой, – тихо велела я. – Успокойся. И расскажи, что знаешь. Кивок, если да, никаких жестов, если нет.

Вьюж замер и мелко задрожал, словно задышал, успокаиваясь.

– Зим там?

Да.

– И Стужа?

Да.

– Зим в опасности?

Да.

Я встревожилась, но постаралась это скрыть.

– Как ты думаешь, – я тщательно подбирала слова для следующего вопроса, – Зим – это часть Стужи? Часть безлетного?

Нет – чёткое и уверенно.

И меня как отпустило... Оказывается, я этого боялась. Стольких спалила без сомнений... а знающего убивать не хотелось. И полезный он, и привыкла я, и вообще...

– Здесь ещё кто-то есть? Кроме них двоих?

Опять нет.

Я приободрилась. Это хорошо. Это значит, шанс выцарапать у Стужи Зима есть.

– Не бойся, – я улыбнулась страннику. – Думаю, Стужа меня не тронет.

Вьюж выразительно изогнулся знаком вопроса и засиял.

– Я ведь «недо-», – пояснила я. – Очень перспективная вернувшаяся. И Забытый наверняка об этом знает. Ведь знал же тот пишущий, который вытаскивал меня с Тропы? И Стужа должен. Они же в одной упряжке... были. Я, конечно, ещё маленькая, но я – искра и могу дорасти до уровня Зноя... если соглашусь на условия этого роста. А ещё у Стужи осталось не так много помощников, чтобы разбрасываться даже теми, в ком он не уверен. Забытый меня не тронет. Но хорошо, если ты вспомнишь, как вы, безлетные, так шустро перемещались. И сможешь начаровать похожее, чтобы вытащить нас с Зимом – хотя бы из пещер, на то поле, откуда я сюда попала.

Странник задумчиво покивал.

– Со мной пойдешь?

Да.

– Стужа тебя видел?

Нет.

– Держись позади, – посоветовала я. – И успокойся уже. Чем меньше и прозрачней ты будешь, тем больше шансов остаться незамеченным. Я на тебя полагаюсь, понял?

Вёртка пискнула – и наконец-то не ревниво. Она тоже полагалась и надеялась, что Вьюж не подведёт. Я перевела. Странник приосанился и наконец-то побледнел.

– Сдюжишь?

Да. Нет. Да. Короче, не знаю. Может быть.

Я собралась с духом и, поскальзываясь, устремила по ледяной тропе туда, откуда причался перепуганный Вьюж. По дороге тщательно изучила свои силы и поняла, что на паутину меня не хватит. Полыхну. Очень коварные чары – силы высасывают много, но не до конца. И вроде не ощущаешь усталости, но понимаешь – лишь на боевую мелочь сил и хватит. К сожалению.

Пещера сменилась широким коридором. По стенам – мерцающие морозные узоры, вдоль тропы – высокие ледяные наросты. Сначала они были бесформенными и мутными, но чем ближе я подходила, тем чаще попадались изваяния – деревья, животные, незнакомые символы. А ближе к концу коридора, когда впереди забрезжил седой свет, нас окружали сплошные изваяния людей. Прозрачные, сияющие изнутри, невероятно чёткие в деталях.

Какой же, Стужа, паскуда, мастер всё-таки...

И это ещё один камень в огород Зима – общее увлечение, похожее мастерство. Мне ещё во вратах Стужи следовало это отметить. И обдумать. И кое-что понять. И не только это. Чужие чары на знающем не просто не держатся – они, да, соскальзывают. И наверняка его карта на самом деле не только карта. Это думающие чары, в которые вшито всякое-разное, от «скользкости» до...

Ледяной вьюн, колко мерцающий вокруг входа в новую пещеру, вдруг шевельнулся.

Я замерла. Странник нырнул в мою сумку и затаился.

Вьюн расправил кольца, зашелестел и расползся. В считанные мгновения он оплёл проём, закрывая вход и приглушая свет, и пустил гибкие ветви по полу – ко мне. Я стояла, едва дыша и сжав в кулаке пока ещё крохотное солнце. Вьюн добрался до носков моих валенок и приподнялся, будто... принимающая. И что-то нужное, видимо, учуял, ибо восвосяси он убрался так же быстро, как и сполз. Миг – и вход опять свободен. Заходи – не бойся...

И я строго наказала себе не бояться. Повторила мысленно то, что недавно говорила Вьюжу. Напомнила, что Зим в беде. И вообще, я поклялась Светле прикончить Стужу. И Шамир со мной. Да, попутного нам мира. Тем более...

Тихие шаги за спиной.

Я быстро обернулась и сглотнула. Ледяные изваяния, недавно стоящие вдоль стен, поменили положение, перекрыв путь назад, и одна из человеческих фигур уже поднимала руки с

горящими в ладонях чарами. Ледяное зимнее солнце резануло глаза, и я отвернулась. Похоже, меня ждут. Очень-очень.

Так, мне не страшно... И безлетные – и безлетный-Забытый – это люди. Необычные, но всё же. А с человеком всегда можно поговорить. И договориться. Тем более со старой кровью у меня общение складывалось лучше, чем с новой. Надо только нащупать тему... и не трястись. Тоже мне, мстительница, ага...

Я спрятала дрожащие руки в карманы куртки и не слишком уверенно, но быстро пошла вперёд. Свет, что характерно, с каждым моим шагом тускнел, а когда я преодолела заснеженный коридорчик-перешеек, совсем погас. Лишь ледяные стены колко мерцали частыми зимними звёздами.

Логово Стужи оказалось маленьким по сравнению с первой пещерой и очень предсказуемым. Сосульки на потолке, пушистый снежный ковёр на полу, ледяные кристаллы на стенах. На каждом из них мигали крошечные искорки – и каждая из них, несмотря на кажущуюся безобидность, была способна полыхнуть обжигающим солнцем. Похоже, слабость к своей среде обитания есть у всех народов старой крови.

А ведь у безлетных тоже были свои земли. Неужели они всегда жили среди своей бесконечной зимы?

– Среда – это не просто для души, – спокойный негромкий голос раздался позади меня, от входа в пещеру. – Это накопители и источники силы. В своей среде мы никогда не устаём чаровать. И очень – очень быстро, Верна, – восстанавливаемся.

«Мы прогреваем собой. А после питаемся прогретым. Чтобы стать ещё сильнее», – заметила однажды Светла.

Я глубоко вздохнула. Я зашла – и никого не заметила... И явно где-то здесь, под «скользкими» чарами, спрятан невидимый Зим. А ещё Забытые умели читать чужие мысли. Нет, мы все умели (спасибо, память). Это было частью древней силы старой крови. Но мы и потеряли умение, и напроць о нём забыли.

Вёрт? Займи своё место. Помнишь, Силен тебе на него указал – тогда, в Заречном? Отлично.

– Заречный... – Стужа вздохнул. – Ладно, дыхание, но как ты выстояла против моего зверя, ребёнок? И повернись уже. Познакомимся?

Я очень не хотела поворачиваться. Пусть за спиной – хотя это самое неудачное место для нахождения врага. Зато... глаза. Я не хочу видеть его глаза. Дико боюсь попасть под чары.

И как в воду глядела...

Забытый, бесшумно переместившись, оказался в нескольких шагах от меня. Я ожидала увидеть кого угодно – безлетные всё-таки люди, – но никак не эдакое повторение нашего духа ездового пса, но в человеческом облике. Невысокий и худой, сотканный из множества снежинок. Волос нет, черты лица смазанные, лишь глаза чёткие и льдисто поблескивающие.

Я оторопело уставилась на Стужу. Снежинки под его прозрачной кожей сложились в очевидную ухмылку:

– Чему удивляешься? Многих же из нас видела.

– Н-не т-таких... – проямлила я.

– Из-за кое-чьих происков и вмешательства моей правой руки человеческое тело пришлось уничтожить, – посетовал он выразительно. – В родное мне пути уже нет. А новое создать сложно. А подобрать из людских – ещё сложнее. Не всякий знающий подойдёт – и зимник нужен, которых мало, и устойчивый к чарам, и вместилистый. Думаю всё-таки своё создать, – поделился доверительно. – Пока время есть.

Я смолчала, таращась на него.

Забытый. Передо мной – легенда. Страшная, безжалостная, бесконечно опасная. Одно из величайших бедствий Шамира. Выстудивший треть, если не больше, обитаемых земель прошлого. И он явно при памяти. Общительный и удивительно дружелюбный.

Только для меня и из корыстных причин?..

– Нехорошо, – остро глянул Стужа. – Я прямо сказал, кто твой приятель-знающий, а ты всё пялишься на меня как на оживший кошмар. Погоди-ка... – и он снова оказался позади. Ледяная ладонь коснулась моего затылка. – Как интересно...

– Пошёл вон из моей головы! – испугалась я.

– Очень грубо, – осудил Забытый. – Но иначе я общаться не могу, извини. Тела-то нет. Ты меня слышишь не ушами, Верна. А чарами. В своей голове.

И он что-то сделал. Мир на мгновение почернел и взорвался потоком мелкого льда. Я осела на пол. И прямо перед собой увидела знающего – в стене, под толщей мутного льда. А голова вдруг так заработала...

Правая рука Стужи – это же Зим. И он же – тот вернувшийся, который охотился за Славной. И он же – тот странник в плаще из врат Стужи, указывающий путь меж холмами. В кои-то веки глядя на знающего не снизу вверх, а издали, я наконец рассмотрела. И поняла, кого он напоминал. Нет, иначе: кто его напоминал.

– Хочешь знать, что на самом деле случилось в Ярмарочном? – дохнул холодный ветер.

Да. Нет. Не знаю. Лишние знания опасны... а без них всё зудит. Ну и пусть. Переживу, я ж не Зим.

Стужа тихо хмыкнул и даже, кажется, рассмеялся.

– Правильно боишься, – одобрил он, сев напротив меня. И почти напротив Зима. – Хотя ничего страшного в тех событиях нет, ты всё равно боишься. Не хочешь на крючок. Но как ты рвёшься узнать, так и я рвусь рассказать. Очень давно ни с кем нормально не говорил.

Сейчас слезу пушу от жалости, угу...

– Вы, молчаливые, не больно-то болтливы, – заметила я сухо, по-прежнему глядя на Зима. Как его оттуда выковырять-то, да так, чтобы кое-кто не заметил?..

– А искрящие не больно-то расположены к хладнокровным, – Стужа наблюдал за мной с любопытством.

Конечно, он давно понял, зачем я здесь. Вернее, из-за кого.

– Людям надо помогать, – Шамир, что за чушь я несу?..

Всё-таки что-то с моей головой не то. Или Забытый начаровал...

– ...или тебя приголубило чрезмерным количеством знаний, полученным за очень короткий срок, – подсказал Стужа весело. – На который наложились внезапный побег исчезнувшего спутника плюс внезапная же встреча с тем, кто ещё пару дней назад во всех сказках был хладнокровным.

Отчего-то его крайне забавляло происходящее. Но он же жестокое ископаемое, откуда столько... человеческого?

– А почему я должен быть мрачной и бездушной букой? – удивился Забытый. – Как видишь, душа у меня есть. И от природы я очень любопытный до всего малопонятного и плохо изученного. Ты, кстати, тоже. Эту черту Шамир привил всем старокровным, чтобы они не костенели в своих знаниях, не остывали сердцем и каждый раз находили новые цели. Чтобы было интересно жить дальше. Когда живёшь сотни лет и бесконечно много знаешь, жизнь теряет смысл. А нам он нужен особенно.

Ну... да. Пожалуй.

Вёртка сердито тяпнула меня за лопатку, и я едва не подпрыгнула. И в голове снова прояснилось, и она снова заработала.

Нельзя с ним соглашаться даже в очевидных мелочах. Нельзя поддакивать. Иначе дойду до того, что одобрю его работу по появлению новой крови, причём безо всяких чар. Просто

этот хитрый древний дух выставит себя в таком свете, что не согласиться будет невозможно. И ничем хорошим это не закончится.

Зим в западне вдруг шевельнулся, дёрнулся, и в него впились мелкие ледяные иглы. Знающий сразу обмяк. А я встревожилась.

– Ты что с ним делаешь?..

– Новую память закрываю, – охотно пояснил Стужа. – Мои собратья спрятали его от меня и перекрыли ему память прошлого. Смешно, Верна: он всё время находился у меня под носом, а я не понял. И не узнал за «скользкими» чарами. Мы так долго его искали... Точно говорят: хочешь спрятать – положи на видное место. Я лишь в Ярмарочном понял, кто Зим такой, но, к сожалению, поздно. Но с тех пор ждал его в пределах. В гостях. Спасибо, ребёнок.

Я похолодела. Вёртка снова куснула меня за спину. Я тряхнула головой. Это не я. Это всё Шамир. Вероятно, таким странным образом он хотел нас со Стужей познакомить. Для начала. Но у всякой сказки есть конец. Надеюсь, по законам сказок наш будет счастливым. И очень нескорым.

– Как привела, так и уведу, – я постаралась придать голосу твёрдости и уверенности.

Которой у меня, конечно же, не было. Кроме одной упрямой веры: да, Шамир меня сюда привёл – Шамир же и выведет. Как-нибудь. У нас бездна незаконченных общих дел.

– Людям надо помогать, да? – повторил Стужа с явной насмешкой. И неуловимо изменился – уже не добродушный, набивающийся в друзья дух. Приторный голос колол издёвкой: – Маленькая лгунья. Тебе нет до них никакого дела. Ты – нет, мы, Верна, старая кровь, – никогда их не любили. Хватит себе врать. Вы оправдывались своей нелюбовью к так называемым сквознякам от холодной крови и плохим самочувствием. Но. Вы придумали «накидки», чтобы не слепить людские глаза, и могли бы придумать и что-нибудь согревающее, чтобы жить среди людей, а не в своих землях. Могли бы – но не захотели. Почему же?

Ну, э...

– Потому что мы просто не любим людей, – Забытый улыбнулся. – Потому что они глупые и ленивые. Потому что живут недолго, а умнеют медленно. А ещё – самое главное, Верна! – потому что в них нет силы. Изначально. Потому что они слабы и беспомощны. И дай им сейчас чары – останутся слабыми и беспомощными. Всё равно. Потому что понятия не имеют, каково это – управлять солнечной силой. Безлетные обучали их лично, но что толку? Знающие-люди всё равно остались людьми. Хладнокровными.

А во мне болезненным эхом памяти отдалось другое слово – «хладнодушные». Так нас называли люди. И в нём было столько скрытого презрения... Да, они любили на нас смотреть, да, мечтали заговорить и получить ответ с той самой выдуманной удачей. И, да, они нас презирали за заносчивость и холодность. Хотя – мы же не виноваты...

И люди, больно прилетело пониманием, – они тоже не виноваты. Их такими создали. Как и нас. И создатель у нас один – и одно на всех общее солнце. И цели в жизни – по сути тоже. А мы...

Мы все, живые существа, – лучи одного солнца. Все, от древних паразитов до людей и самых обычных ездых псов. Осколки одной великой души. Мы не имеем права презирать других за то, что им дано меньше, чем нам. Потому что по обычной случайности нам досталось чуть больше силы. А ведь могло быть наоборот.

Как стыдно-то, заberi меня Тропа...

– И может стать наоборот, – вмешался Стужа, внимательно наблюдающий и за мной, и за моим мыслительным потоком. – Это очень легко устроить. И это давно начато. Осталось лишь закончить.

– Зачем? – я напряжённо посмотрела на Забытого.

Шамир заметил, что его не так поняли. А я думаю... что правильно. Сначала – правильно. А вот после... Пути разошлись, цели изменились, и между истинным создателем и его помощниками пролегла пропасть.

– Шамир забит чаротворным мусором, – просто сказал Стужа. – Помнишь Горюшек? Это лишь жалкая часть той тьмы, которую Шамир сумел использовать. Что делать с остальным, он не знает. И что делать с вашим мусором – тоже. Сила из вас течёт ручьями, и однажды они сольются в одну мощную реку. И это бедствие будет страшнее нас. Кстати, именно из-за склонности к мусору Шамир сам давно не чарует и ему понадобилась помощь при создании вернувшихся. Ему *нельзя* чаровать. Чревато стихийной бедой. Я занимаюсь тем же, чем и ты, Верна. Спасая Шамира. Хоть он и против.

Конечно, против.

– В средней искре силы – на десять-двадцать вернувшихся, – медленно произнесла я. – В говорящих и пишущих – ещё меньше. Не все вернувшиеся выживают, так? И не все усваивают силу, как Зим. И вряд ли десяток людей новой крови разгребёт все залежи тёмного мусора быстро и качественно. Даже если мы уже не будем сорить... вообще. Ты хочешь истребить старую кровь ради горстки «уборщиков»? А они не мусорят, нет?

– Нет, – Стужа улыбнулся. – Люди-вернувшиеся его поглощают. Питаются. Как растения солнцем. И это проверено. Я помню, сколько силы было у Шамира, когда я уснул, и вижу, сколько сейчас. Сила, которую ты называешь стихийной, а я – мусорной, поддерживает в знающих жизнь и поглощается ими полностью. Однако мир они подчищают слабо. Потому что сами очень слабы. И потому что мусор сжигать надо, а не «есть». А сжигать способна лишь старая кровь.

Пауза, и доверительное:

– Я не собирался истреблять нас... всех. Напротив, хотел сделать сильнее. Но большинство не согласилось даже под угрозой проклятья. А от меньшинства мало толку. Поэтому остаются люди. Люди давно устали быть слабаками рядом с вами и всегда соглашались принять новую силу. Легко поддаются и просто покупаются. Прекрасный материал. Изначально мы с Шамиром работали вместе, но он после первых же опытов, – и Стужа, скривившись, выплюнул: – струсил.

Пол мелко вздрогнул. Я, понимая, тоже.

Вот оно – то место, где разошлись пути. Правильно Снежна говорила: разрушать и отнимать жизнь – против природы Шамира. Вот что Стужа не понял – мир своим отказом намекал, а Забытый не понял. Не так понял.

– Нет, – я качнула головой, – Шамир не опытов испугался. Он *пожалел*. Тех, кого пустят в расход ради подготовки этого самого материала. Он не хотел платить такую цену. А ты не понял. Ты, безлетный, вечно живущий, возвращающийся, не понимаешь цену жизни. Люди – материал, да? А ведь каждый из нас – это жизнь. А жизнь – не материал. Я видела итоги первого опыта – тогда вы использовали мёртвые тела. Но кто-то из тех, кто отдал им силу, погиб. Шамир понял. Искры поняли. А вы...

– А что важнее? – вкрадчиво поинтересовался он. – Шамир или горстка людей? Если Шамира почистить, он сможет создать какую угодно жизнь в любых количествах. А мы? Что способны создать мы? А если Шамира не станет? Выживем ли мы в мёртвом мире? А если вызванное нами стихийное бедствие не только людей уничтожит, но и его?

– А чего ж ты не дождался этого бедствия? – я подняла брови. – И убивать бы никого не пришлось. И была бы у тебя бездна... материала. Так и скажи, что не хотел ждать. И решил сам стать этим бедствием.

– Честно говоря, я об этом думал, – Стужа кивнул. – Пара-другая сотен лет – ничто для нас. Но не для вас. Вы были бы готовы. Вспомнили бы что-нибудь. Придумали бы защиту. И добились бы мир последним ручьём своей силы.

– Ключевое в твоей теории – «бы», – не сдавалась я. – Ты не знаешь, как бы всё было на самом деле, только предполагаешь. А значит, это не причина. Есть что-то ещё, – и ткнула наугад: – Что, надоело быть в тени создателя? Мне рассказали легенду, которую искры забыли. Вы – эхо Шамира. Единственные подобные ему создания. Захотелось догнать и перегнать? Но кто дал тебе право распоряжаться судьбой тех, кого не ты создал?

Глаза Забытого нехорошо блеснули:

– Мало ты знаешь о безлетных. Мы приводили вас в живой мир и уводили обратно с зари времён. Это благодаря нам в мире расцвела жизнь и появилась Гиблая тропа, чтобы очистить Шамир от переизбытка душ. Да, в те времена, до опытов, мы занимались Гиблой тропой меньше, чем сейчас, когда многие безлетные стали Уводящими, лишь бы не протухать без дела. И чтобы мне поменьше вероятных знающих досталось. Но, Верна! Мы занимались чистой Шамира тогда, когда вас, искрящих, ещё даже не придумали. Не говори мне, на что я имею право, а на что – нет. Право присматривать за ним и очищать его от излишков силы Шамир дал нам сам. Давным-давно. И я занимаюсь тем, для чего создан.

Пол снова вздрогнул, и по пещере эхом разнёсся тоскливый вздох. Забытый напрягся:

– Что он говорит? – и требовательно уставился на меня. – Я знаю, ты хорошо понимаешь речь Шамира. Что?

Я прислушалась к ощущениям и тихо ответила:

– Он очень опечален тем, как ты извратил свою суть, – и честно добавила: – Я бы объяснила, почему, но таких тонкостей не понимаю. Только основную эмоцию.

Пещеры снова вздрогнули, но на сей раз это был не Шамир. С потолка посыпалась ледяная крошка. Пол слегка потеплел. Сугробов поубавилось. Стужа заозирался, а у меня вдруг зачесалась ладонь со звездой. Я сжала кулак и спрятала её в карман куртки, а Забытый нахмурился и исчез в снежном вихре – на вдох-выдох, но Вёртке этого хватило, чтобы молнией метнуться к Зиме и пробраться под лёд.

– Странно... – Стужа появился у дальней стены. – Никого. А кажется, что... кто-то.

Я крепче сжала кулак со звездой. Догадка возбуждённо забила крыльями, но я запретила себе о ней думать. И, отвлекаясь, торопливо выдохнула:

– Так что на самом деле случилось в Ярмарочном?

– Подстава, – Забытый озирался и смотрел так, точно видел сквозь стены. Но Вёртку пока не замечал. – Ты в курсе, что у меня есть давний друг-искрящий. Чью сестричку я припрятал в её же собственном доме. Хорошая западня была. Успей я набраться сил... Но за тайником много лет следили мои братья и сёстры. Одна из них и вскрыла кладовую, когда учуяла меня в городе.

Добра! Ай, скрытница!

– А дальше всё просто, – Стужа передёрнул плечами. – Искрящий помчался на жар сестрицы, но я бы его перекрыл совсем, забрав силу, если бы мне кое-кто не помешал. Во избежание ненужных встреч пришлось позорно драпать.

– А Горда? – не унималась я. – А твой помощник-пишущий?

Стены пещеры снова вздрогнули, роняя с потолка сосульки и ломая ледяные наросты. Кто-то отчаянно пытался сюда пробиться... и, кажется, я знаю, кто именно. И как именно.

– Они ничего не успели сделать, только бесславно сдохнуть, – скривился Забытый и вновь оказался напротив меня. Колко блеснули искры ледяных глаз. – Ладно, Верна, хорош трепаться. Я думал, у нас больше времени, а его уже почти не осталось. Слушай меня внимательно. Это я вас проклял.

Ну точно, у кого бы ещё хватило на это силы и знаний...

– Это я вас проклял, заставив забыть нужные мне вещи, – сухо повторил он. – И не только вас. Всю непослушную старую кровь. Кто-то плюнул на забытое и научился жить без него, а кто-то не захотел и попал на крючок. Они стали моими помощниками, но, к сожалению, искры

среди них не было. И это большая потеря. Какими получались вернувшиеся без вашей помощи, ты видела. Мне необходима твоя сила – живая. Та, что вы посмертно оставляете на Гиблой тропе или в Шамире, пригодна для чар знающих, но не для их полноценной памяти. Чтобы те, кого я создам, продолжили жить. Чтобы они не стёрли мир в прах. А ведь это действительно полезная ветвь новой волшебной крови. И тебе всего ничего осталось до полноценного возвращения. Сезон-другой – и ты выжжешь осень. И станешь по-настоящему полезной.

Я молчала, выжидая. Предложение озвучено. Теперь – цена «покупки»?

– Я сниму с тебя проклятье, – Стужа тоже смотрел на меня в упор. – С тебя, с твоей семьи и со всех тех, на кого ты укажешь как на друзей. И сохраню вам всем жизнь. Обещаю. Если сможешь.

– Шамир перекрыл твоё проклятье своим, да? – я ощутила внутреннюю потребность тянуть время.

– Иначе бы вы сожгли всех безлетных, – кивнул он напряжённо. – У нас есть слабые места, и искры прошлого о них знали. Но я заставил забыть. И об опытах над вернувшимися – тоже. Раз не помогают, так и под ногами путаться нечего. Твоё слово, Верна. Да? Или нет? Не забывай, ты тоже обязана мне своим появлением. Я долго таился на Гиблой тропе, поджидая искру, и вернуть тебя было непросто.

И закралась на мгновение паскудная мыслишка – это же мечта всех искрящих, можно же попробовать «согласиться», протянуть время, обмануть Стужу и получить своё, – но... Руку опалило так, что я чуть не взвыла от боли. Благо Забытый отвлекал, обжигая требовательным взглядом. И память поддала очень полезным выводом.

Надо же, спаситель выискался, поглоти его Тропа...

– Я обязана своим появлением Шамиру, – огрызнулась в ответ. – Не влезь ты, он бы меня вытащил. Нет. И во времени на раздумья не нуждаюсь.

Грохнуло.

Вёртка, не сумев растопить лёд, «царапкой» на кончике хвоста вырезала в нём дверь и вытолкнула Зима из западни. Видать, слишком опасно ему там находиться – опаснее, чем спалиться перед Стужей. А следом произошло ещё несколько событий.

Мой кулак сам собой покинул карман, точно его за рукав куртки вытянули. И из кармана заодно подтолкнули.

За моей спиной вспыхнуло жаркое солнце.

Стужа моментально исчез, вьюжным ветром просочившись в неприметную щель на потолке. И снег со льдом сразу начали таять – похоже, Забытый удрал с концами.

Зим очухался. Со стоном сел, узрел меня, поморгал и снова рухнул на пол, закрыв лицо руками.

Моего плеча коснулось жаркое дыхание, а разума – виноватое: «Опоздал...»

Я изумлённо уставилась на свою левую ладонь. Угольная звезда исступлённо искрила, но её сияние уже меркло. И, конечно, никакая это не звезда. Это сердцевина паутины – паутины дорог. Вот что прицепилось ко мне под видом думающих чар Ясена. Вот как Равс добрался до нас в городе Тёплом и помог справиться с мертвецами.

– Ну вы и засранцы, – я сердито тряхнула головой. – Что, познакомиться прийти – много чести, да? Не заслужила?

Равс ткнулся горячим носом в моё плечо – виновато-виновато. Нет, поняла я по отголоскам его мыслей, встречу со Стужей Шамир собирался подстроить в любом случае. Врага надо знать в лицо. А враг, чтоб ему икалось, мысли читает как открытую книгу. Нечего пугать его раньше времени. Зато крайне необходимо загнать в угол, создав отчаянное положение.

Когда торопишься, ошибки неизбежны. И ими обязательно воспользуется тот, кто давно наблюдает и ждёт подходящего момента.

Я снова посмотрела на Зима. Стужа его бросил – своего самого полезного слугу. Сил не хватило утащить? Или прохода под человечье тело не нашлось? В любом случае – он знающего бросил. А я подберу. Я не гордая. И теперь понимаю в общих чертах, что задумала та самая третья сила.

Равс обошёл меня, приблизился к Зиму и внимательно его обнюхал. Знающий побелел, но глаз не открыл и даже не дёрнулся, когда из ноздрей зверя вырвались снопы искр. Лечебных, как быстро пояснил Равс. Пока не поздно, растопить стену, начарованную Стужей. Зим всё должен помнить – хотя бы со времён себя-знающего. И он будет помнить.

Я наблюдала за солнечным зверем, затаив дыхание. Вблизи он казался не таким уж большим – меньше ездового пса. Изящный, тонкокостный, длиннолапый, а в глазищах – шалое солнце.

Равс обернулся и знакомо поднял брови. Острая мордочка сморщилась от улыбки.

«Прости, Верна, – чёткая, складная мысль. – Пока ломал защиту, Стужа удрал. Но ты знаешь, как его поймать. Ты поняла».

– Наживка – что надо, – согласилась я, покосившись на Зима. – Но согласится ли? И успеете ли?

«Твоё дело – загнать Стужу в западную, – зверь склонил голову набок. – В такое место, откуда он не сможет удрать. Слушай Шамира. Он укажет. Вы приведёте. Мы убьём. Всё продумано давным-давно. Шамир не разучился творить чудеса. Верь ему».

– А если Стужа опять в мои мысли влезет? – уточнила я.

«Если не сможет удрать – то и пусть. Но можно попросить безлетных о защите. Ты знаешь, кого».

Конечно. Добра.

Равс мягко приблизился и лизнул-поцеловал меня в щёку: «Всегда помогу. Зови. Услышу».

– А Ясен? – прищурилась я.

«Сейчас ему важнее составить план будущего, – зверь забавно прижал острые уши. – Ты знаешь, с кем. Из-за проклятий Стужи он замедлен. Сюда даже не пытался успеть. Но проклятья – лёд. Тают с каждым днём под жарким солнцем. В нужный момент он успеет. Верь нам. Всё продумано».

– ...давным-давно, – я снова покосилась на знающего и требовательно уставилась на Равса. – Вы же знали, кто Зим такой, да? Кто скрыл ему память?

«Наши. Наши безлетные. Он был слепым орудием на поводке Стужи. А теперь стал человеком. Орудие можно лишь уничтожить, а вот с человеком – ещё и договориться. Ищи слова. Не упусти».

Так просто – и так сложно...

«Мне пора», – зверь снова улыбнулся.

– Подожди! – мне не давал покоя один вопрос. Нет, на самом деле меня одновременно жалил рой вопросов, но один особенно. – Вестник Хмура – его нашли? Раз его память о Веселе и Беле попала в склеп, значит, его кто-то нашёл? Кто? Кто ещё знает?..

Солнечные глаза Равса потемнели от грусти:

«Из живых – никто. Вестника подозвал сын Хмура, но тот, кто после стал Стужей, услышал о вестнике. Правду узнали, но поведать не успели. Проклятьем накрыло. Мы проснулись, забыв очень-очень многое. И лишь после исчезновения Забытых я осмелился прийти в склеп, чтобы вспомнить. И уснуть там в ожидании Стужи. И зова Шамира».

– Сколько вас? – оживилась я. – Из склепа памяти?

«Немного, – солнечные глаза снова заискрились. – Но хватит, чтобы возродиться. Потом. Видела дерево-солнцеед? Оно в склепе не единственное. Ничего для нас не потеряно. Всё возобновимо. Наши земли – тоже. Уничтожим Стужу – заживём. Да?»

Я улыбнулась. Экий хитрец... Но ради земель искрящих я костыми лягу. И ради них – тоже.

– Да.

«До встречи, Верна».

Зверь махнул хвостом и исчез в вихре искр, как недавно Стужа. Снова заелозил Зим, переворачиваясь. Я постаралась расслабиться. Предстоял самый непростой в моей жизни разговор.

Я села рядом со знающим и похлопала его по спине:

– Подъём. Зверь сказал, что ты здоров и при памяти. Я ему верю. Хорошо прикидываться.

Есть хочешь?

Зим перевернулся на спину и скривился:

– Нет. Тошнит. От всего. И ото всех.

– Неприятная правда, понимаю, – искренне посочувствовала я. – Я тоже долго свой мир по кускам собирала, когда мне сказали, что я – «недо-».

– Что?! – знающий сел и уставился на меня, как на мертвеца из-подо льда.

– Я – «недо-», – повторила спокойно. – Стужа с его прихвостнями вытащили меня с Гиблой тропы, но вмешался Шамир. Меня не нашли и на поводок не посадили. Хотя я до сих пор жутко этого боюсь – того, что во мне что-то есть... прописанное, что испортит дело. Надеюсь, ты сохранишь мой секрет в тайне. Об этом знает очень мало народу. Шамир, моя мама, все мои наставители, одна безлетная... и ты теперь. Но я собралась и нашла свой путь с этим знанием. И ты должен найти свой.

– Зачем говоришь? – взгляд Зима стал колючим и неприятным. – Зачем делишься? Мы не друзья и вряд ли ими будем. Договариваешься? Привязываешь? Я всё слышал, Верна, и про наживку понял. Уверена, что я добровольно ею стану?

– Ты с чего такой подозрительный? – упрекнула я. – Будто бы это я всю дорогу тебя использовала! А ведь это ты ко мне прицепился, чтобы набраться знаний и умений. И в пределы прорваться. Или нет?

Знающий слегка покраснел.

– Я всегда была с тобой честной, – напомнила я сухо. – Недоговаривала, да, но не обманывала. Я вообще не люблю врать, и у меня плохо это получается. Воспитание такое. Мама всегда твердила, что надо быть порядочным человеком, то есть доброй, терпеливой, справедливой, честной и верной своему народу. Если тебе кто-то не нравится, учила она, просто не общайся. Если приходится общаться – ищи в нём то, что понравится. Вот этим, Зим, я занималась в пределах, раз Шамир не дал мне шансов поработать в одиночку и навязал тебя.

Странник выбрался из сумки и облетел пещеру. Вёртка тоже ринулась вдоль стен, но по полу. А вдруг здесь есть что-нибудь интересное и полезное. Логово всё-таки. Может, даже то самое, где Стужа дрых тринадцать людских поколений кряду.

– И что, нашла? – Зим недоверчиво поднял брови. – Ты? В хладнокровном?

И опять вспомнились «хладнодушные», и опять кольнуло стыдом. За нашу старокровную гордыню и слепоту. И за свою особенно. Не живи я среди людей, нашла бы оправдание. Но я прожила в Обжитых землях больше двух лет. И усвоила лишь одно – людям надо помогать, да. Потому что так велит Шамир. Об иных причинах я никогда не задумывалась. До сего дня.

А ведь они были. Много. Люди в скованном первой наледью Солнцеясном, из последних сил помогающие друг другу. Одинокий хуторок с припасами – для заплутавших странников. Простодушный и честный Норов. Веселый старик Шумен, уважающий меченых. Но больше всего – удивительное свойство людей помогать незнакомцам, которые лютой зимой, голодные и замерзающие, оказались на пороге их дома.

– Вы не виноваты в том, что в вас нет солнца, – признание я вытаскивала из себя с трудом, неохотно, но упрямо. – И в большинстве своём люди хорошие. Да, взрослеете и умнеете долго,

да, не разумом живёте, а душой... И оттого и сердца у вас горячие, и души отзывчивые. И мы все, живые существа, – лучи одного солнца. Да, Зим, нашла. Ты хороший человек. И, наверное, друг. В беде не бросаешь. Забытых ненавидишь. И хочешь мира. Хочешь помогать людям. Хочешь быть полезным – и созидательно полезным. Строить, а не разрушать. Защищать, а не убивать. Шамир увидел это в тебе и дал шанс – отнял у Забытых, скрыл старую память, привёл к знающим. Не оттого, что ты – ключ к Стуже, а потому что человек хороший. Но лишь от тебя зависит, останешься таким или нет. Променяешь своё известное настоящее на неведомое прошлое или нет.

Зим вдруг снова покраснел и отвёл глаза.

– Поддался, да? – догадалась я. – Добровольно полез в этот лёд? Думал, Стужа вернёт тебе память?

– Дурак, Верн, как есть... – знающий скривился. – Но я слышал, что старая кровь выполняет обещания и держит слово...

– Выполняет, – подтвердила я. – Думаю, Стужа вернул бы тебе память, но лишь ту, которая ему выгодна. И заодно стёр бы старую. Собственно, этим он и занимался, когда Вёртка вытащила тебя из чар.

– Дурак дураком... – со вздохом повторил Зим и раздражённо передёрнул плечами.

В дальних углах логова зазвенело. Кажется, наши поисковики что-то нашли.

– Да ладно тебе, – я ободряюще ткнулась в его плечо своим. – Я тоже едва не поддалась. Мне он тоже память вернуть пообещал – ту самую потерянную память искрящих. Звучало очень заманчиво.

– Что тебя удержало? – знавший посмотрел на меня с любопытством. И ещё с чем-то таким... затаённым. Точно хотел в моём ответе найти защиту от соблазнов Стужи.

– Зверь, – честно ответила я. – Так наподдал... и кое о чём напомнил. Из прошлого. Помнишь ту сказку о двух Ясных?

– Ну да.

– Я слышала её много раз. И каждый раз думала, что она – о возвращении искрящих с Гиблой тропы. Но ключевой смысл в ней другой, – я прикрыла глаза и напевно произнесла знакомые с пелёнок строчки: – Звёзды лились с черничного неба сплошным водопадом. И небеса искрились, и песок – и что-то внутри Ясны тоже заискрилось в ответ, слабо-слабо, но достаточно, чтобы сжечь пепел, покрывший память. Чтобы она *вспомнила*.

Посмотрела на Зима и повторила:

– Чтобы *вспомнила*. Вот то главное, что скрыто в сказке. Шамир может вернуть нам память. Или привести к тем, кто снимет проклятье Стужи. Потом. Когда Забытого прищучим. Сейчас память будет лишней – собьёт с толку, остановит поиски, запутает. А вот после... – я улыбнулась. – Шамир не разучился творить чудеса. И для тебя он тоже это чудо сотворит, будь уверен. Он не бросает в беде тех, кто ему помогает. И всегда оценит работу по заслугам.

Знающий нахмурился и уставился в пол, что-то быстро-быстро про себя прикидывая. И после долгого молчания спросил:

– Значит, ты меня не убьёшь? – в силовом голосе нерешительность, а в глазах вызов. – Правая рука Стужи всё-таки. Начудить могу. Сильно и противно.

– Чудил ты и раньше, – я пожалала плечами. – И теперь я не уверена, что по своей прихоти. Что тебя, в случае тех же мертвецов, не подпихнул под руку Шамир. Нет, не буду. У Шамира есть на тебя планы. Он в тебя верит. Доверяет тебе. Ждёт помощи. Вопрос лишь в том, дождётся ли.

Зим помрачнел:

– А ведь я могу рвануть за Стужей. Есть в нём что-то... моё. Я это ещё тогда заметил, когда он знающим прикидывался. Вьюженом. Он рассказал. Не могу это объяснить, но...

– Родное время? – предположила я. – Вы с ним – из одного уничтоженного мира. Когда было больше свободных земель и меньше горестей, больше чудес Шамира и меньше серой обыденности. Вы помните одни и те же чудеса. Ты помнишь, Зим, хотя думаешь, что забыл навсегда. Твоя память всего лишь скрыта, как и наша. Но нет-нет да проскользнёт сквозь завесу снежинка... или искра. Теперь ты, наверное, думаешь, что ближе Стужи у тебя никого нет, да?

Он лишь вздохнул, но так красноречиво...

– Ты за ним не пойдёшь, – сказала я уверенно. – Хорошие люди за плохими не пойдут. Они найдут свой путь и свои воспоминания взамен утраченных. Поверь, Зим, это возможно. Так Стужа проклял нас забвением – чтобы мы не мешали, чтобы сломались и приползли к нему на брюхе. Но мы выдержали. Научились жить без потерянного и с ощущением потери. Лишь один из нас поддался – тот, кто стал Зноем. Хотя... Пока это недоказуемо – что поддался. Может, его зачаровали. Мы смогли, и ты сможешь.

Я похлопала его по плечу и встала:

– Думай. Выбирай. Но запомни: обратной дороги не будет. Выберешь Стужу – назад не приму. Выберешь нас с Шамиром – не отпущу.

– В «потеряшке», что ли, спрячешь? – фыркнул Зим.

– Ценные яйца в одной корзине не хранят, – я заметила возбуждённую Вёртку. – Мне будешь помогать. Знаешь, дел сколько? Ух. Думай.

Знающий подскочил сразу:

– Каких дел?

Я ухмыльнулась:

– Ты пропустил много интересного, пока я ковырялась в памяти предков. Где-то в пределах спрятана правда – записи участников тех событий, которые породили Забытых. Наша цель – древний город Приозёрный или, на худой конец, город Алый. На карте их, конечно, нет – Приозёрный точно был уничтожен, но Светла должна помнить. Очнётся – узнаем. Пока мои наставители слишком устали – выстраивали для меня паутину дорог сюда.

– Ты... – Зим недоверчиво уставился на меня. – Ты что, за мной торопилась?

– Нет, спали тебя солнце, за Стужей... – я закатила глаза. – Чтобы убить его в одиночку. Конечно, за тобой. Боялась, что ты начудишь. И опоздать боялась. И, хвала Шамиру, успела. И наш зверь – тоже. Короче, ты понял, да? Плюнь на Стужу и айда за правдой. Шамир над тобой трясётся, как наседка над цыплёнком, а ты тут сопли разводишь – сбегу или не сбегу.

Вёртка тихо пискнула. Я повернулась к ней и устремилась на зов – в дальний, сумрачный угол пещеры. От жара Равса лёд и снег стаяли почти везде, но не в этом углу.

– А потом? – знающий не отставал. – После правды? Стужа?

– Нет, Стужа нам нужен в последнюю очередь.

– Почему?

– Потому что мы нужны ему в первую.

– Не понял... – протянул Зим.

– погоди, выберемся – всё расскажу, – пообещала я. – Но если вкратце, то у него почти не осталось помощников. Как и силы – он её на стену Ясена потратил. Возможно, ты да я – его единственная опора.

– Тогда... – знающий на ходу поймал меня за левую руку и глянул на чёрную звезду. – Паутина дорог, да? Через неё зверь пришёл? И также появятся... остальные?

– И давно ты понял? – я удивлённо подняла брови.

– Когда зверя увидел, – Зим виновато улыбнулся. – Ещё в Тёплом. Этот знак так горел... Думал, ты поняла, но рассказывать не хочешь. И тоже смолчал. Это же подозрение было. Без доказательств.

– Я соображаю хуже, – признала мрачно. – А зверя зовут Рассвет. Равс, – вспомнила, и на душе сразу потеплело. – Да, это и паутина тоже. У Стужи сложная задача. Как поймать и

переманить нас, если за нами – искры прошлого, которые только и ждут подходящего момента. Он будет тянуть до последнего, набираясь сил. А мы тем временем сделаем все нужные дела.

Вёртка снова пискнула. Я отвернулась от знающего и обомлела.

– Вот те на... – присвистнул Зим.

Странник обрёл тело. Вернее, «тело» – форму. В ледяном закутке вертелся, пытаюсь рассмотреть себя со всех сторон, мелкий и непонятный зверёк. Острые уши, тупая мордочка, снежные усы, очень длинное тело и короткие лапы, пушистый хвост. А на спине – тонкие иглы гребня и совиные крылья. И вместо шерсти – снежный пух.

При виде нас Вьюж замер, задрал морду, и льдисто-голубые глаза сверкнули таким невероятным счастьем...

– Он нашёл здесь частичку себя, – перевела я писк Вёртки. – Она была таким же ветром, скованным льдами. Но когда ветер учуял другую часть себя, то очнулся, и вдвоём они сломали чары. И вот... слились.

– Стужа – такой же... – задумчиво кивнул знающий.

– И это наше второе дело, – попытожила я. – Найти все его огрызки. Узнать, сколько их всего, и уничтожить. Он вроде бы уже не сможет собраться в одно древнее существо... но кто его, заразу, знает. Придумал же, как сделать себя Забытым. На всякую гнусь горазд.

Зим присел на корточки и поманил к себе зверька. Вьюж застенчиво переступил с лапы на лапу и сделал один мягкий шагок. Другой. Третий. Вместо порывистого игривого ветерка – осторожный зверь. Он ещё многого о себе не помнит. Не знает. И заново осознаёт себя. Но всё-таки... он наш.

– Так, Вёрт? – переспросила на всякий случай.

Подруга важно кивнула. Точно, наш. Ни тени Стужи – ни одной подозрительной снежинки – в страннике нет. Это другой безлетный. Вероятно, враг Стужи – кого попало на безумных странников не рвут и по частям в своём логове не запирают. А значит, наш друг.

Зверёк прищурился на меня и улыбнулся. А потом легко вспорхнул на плечо к Зиме.

– Всё? – я посмотрела на Вёртку.

Она снова кивнула.

– Тогда уходим, – я поправила сумку. – Вернёмся в Долину тысячи ветров к нашим вещам, обсудим новости, позавтракаем...

– ...и пообедаем, – поправил Зим, глянув на свой всезнающий снежок.

...и познакомимся. Заново. Как лучи одного солнца, а не люди с разных берегов.

Глава 2. Осколки

– Зим, прожорливое ты хладнокровное! – я в сердцах запустила в знающего парой искр. Он в ответ лишь рассмеялся и легко увернулся. Я глянула на него исподлобья, подбросила на ладони увесистое солнышко и с трудом подавила желание швырнуть чары по назначению. Так и до драки недалеко. А за еду стоит драться, лишь когда она есть.

А её не было.

Пока я просвещалась в склепе памяти, Зим ухитрился истребить всё съестное, что хранилось в сумках. Почти всё, кроме небольшого кулька с крупой и связки сушёных себрышек. Вьюж перетаскал ему еду из верхнего города, не иначе. Мы же там все вещи оставили, прежде чем в гробницы спуститься. Вот знала бы... припрятала бы свою половину.

– Не злись, Верн, – примирительно попросил он. – Я волновался. И время тянулось медленно. И, честно говоря, думал, у нас ещё есть. У тебя, – и указал на мою сумку.

Я молча распустила завязки и показала содержимое – одежда, мешочки с травой и пара мёрзлых веточек укропа. Зим приуныл и заизвинялся. Я сжевала одну ветку и, повоевав с собой, протянула вторую знающему.

– А поблизости нет города с кладовыми? – с надеждой спросил он, жестом отказавшись от укропа.

– Нет, они только у Южной гряды уцелели, – я закрыла сумку. – Пошли вниз. Может, там что-то найдётся. В верхний город искры не только умирать приходили, но и подумать. Поди, есть кладовые. Хорошо, если зачарованные и с ледниками. Всё равно пока наставители набираются сил, нам идти некуда. Надо ждать Светлу. А внизу безопасно. Отдохнём, обговорим... пообедаем, если повезёт.

Не повезло.

В городе искрящих мы сразу разделились и внимательно обшарили все постройки, даже странные одно- и двухстенные. Кладовые встречались, но съестные припасы давно превратились в труху и пыль. Мы обшарили весь городок, но зря.

Вернувшись раньше Зима в тот дом, где мы ночевали накануне, я разожгла очаг и решила, что Шамир с ней, с едой. В конце концов, мы же знающие, полумёртвые. Сейчас перебьёмся кашей, а потом протянем как-нибудь несколько дней без еды, затыкая голодное урчание животных чаем. Конечно, без еды в паутине худо будет, но...

– Верн, смотри!

Я обернулась. Зверёк Вьюжен появился рядом со мной – соткался из снежинок и улыбнулся. Стряхнул с крыльев снежную крупу, сжал в ледяных зубах ремешок сумки – и исчез, чтобы появиться у порога, где и стоял Зим. Безлетный шевельнул хвостом и снова появился рядом со мной, по-прежнему держа в зубах сумку.

– Ты же можешь перемещаться на большие расстояния, да? – дошло до меня. – И до целых городов хватит сил добраться?

Вьюж кивнул. Вёртка немедленно забралась в сумку: мол, с тобой пойду. Зверёк-безлетный тихо фыркнул и исчез, лишь сверкнула в воздухе пригоршня мелких снежинок.

– Живём! – взбодрилась я, доставая из другой сумки котелок.

– Интересно, а нас он так перетаскать сможет? – предположил знающий, разуваясь.

– Стужа тебя с собой не прихватил – значит, нет, – я занялась кашей.

– Расскажешь? – Зим присел у очага. – Что в склепе видела?

Я помешала крупу, отложила деревянную ложку, вскипятила в кружках воду для чая и за мелкими делами начала неспешно пересказывать недавние события и открытия, ничего не

утаивая. Услышав о своей роли в исчезновении записей Весела и Бела, знающий помрачнел, но смолчал. Дождался, когда я закончу, встал и вышел наружу.

Наверное, иногда не помнить отдельные моменты прошлого – это благо... или проклятие.

Я поела в одиночестве, подремала, подогрела кашу и снова начала клевать носом, когда Зим наконец вернулся. И с порога хмуро заявил:

– Всё равно хочу всё вспомнить. Если буду точно знать, где и что я натворил, то смогу с этим сжиться. А если не буду, изведусь, думая, я или не я, под чарами или по собственному желанию.

– Лады, – я зевнула и указала на котелок. – Ешь. И ложись спать. Не хочу торчать в пределах больше необходимого.

– Думаешь, Стужа вернётся в Обжитые земли? – он сел на пол у очага, поджав ноги.

– Да. Среди людей затеряться проще, чем в пустынных землях. Проклятые «скользкие» чары... – проворчала я, обустроивая лежак. – Из-за них мы и тебя не разглядели, и Стужу не найдём. Спрячется так, что ой. И не всплывёт, пока не придёт время.

– Время для чего? – знающий поднял брови.

– Время для стужи, – тихо ответила я, – лютого мороза, который не щадит никого. Он копит силы для одного-единственного удара. Стужа достаточно времени провёл в Обжитых землях, чтобы раскидать повсюду свои чары. И я не уверена, что даже безлетные способны их распознать под «скользкостью» и обезвредить. Когда Забытый наберётся сил, он просто выплеснется стужей... и всё.

– Люди – под защитой городов и чар, – понимающе кивнул Зим. – Если старой крови в городах не будет, люди не пострадают.

– Или пострадают отдельные дома и кварталы, где спрячется старая кровь, – угрюмо добавила я. – Но люди – большинство людей – выживут. И у Стужи будет бездна живой силы от убитой старой крови и гора материала для её усвоения. Всё просто, Зим. Забытому нужно немного времени, чтобы создать ледяную среду и набраться там сил.

– А что безлетные? – возразил он. – Их-то чары не возьмут.

– Как знать... – я начала плести лежак. – Если они сейчас, укрывая Шамир и людей, вывернутся наизнанку... Они же смертны. И у них есть слабые места. И Стуже о них отлично известно.

Знающий задумчиво подъял кашу и, конечно, спросил:

– А мы ему зачем? Забытому?

– У Стужи Равс на хвосте, – напомнила я. – И не только он. Мы – дополнительная защита, только и всего. Заслоном нас, как верных псов, поставить, чтобы опять удрать от погони. Или натравить на старую кровь, а потом от пойманных пленников набраться сил. Ему нужны помощники, чтобы закончить дело наверняка. Но и без них он способен устроить на Шамире смертоносное стихийное бедствие. Мы поздно поняли, что Стужа давным-давно проснулся. Слишком поздно.

Посреди комнатки соткался из снежинок Вьюж – довольный, сияющий, с полной сумкой еды и не менее довольной Вёрткой. Но нас уже таким дурным настроением накрыло, что радости показать не получилось. Безлетный всё понял и требовать благодарности не стал. Отнёс сумку в сторону, дохнул на неё, укрыв ледяной крошкой, и тихо выскользнул из дома.

Зим допил чай и завалился спать. Вёртка вернулась ко мне и с восторгом поведала, что безлетный уже очень-очень даже очень. Я поворочалась с боку на бок, села, прислушалась к нервно-сонному дыханию знающего и сдалась.

Не успокоюсь же, пока не узнаю...

Вьюж лежал в десяти шагах от домика – на спине, раскинув лапы и крылья, любуясь чаротворным солнцем. При моём появлении он перевернулся на живот и принял более подобающую древнему существу позу. Льдистые глаза внимательно уставились на меня.

– Я хочу знать, сколько, – прошептала я и опустилась на колени напротив бывшего странника. – На сколько частей делится безлетный? На сколько осколков распался Стужа? Есть ли они здесь, в пределах? И сможешь ли ты их найти?

Безлетный смешливо прищурился и склонил голову набок.

– Извини, – я виновато улыбнулась. – Конечно, ты даже мысленно общаться пока не можешь... Кивай, если да, хорошо?

Он важно кивнул. Теперь главное – правильно составить вопрос.

– Все безлетные распадаются на одно и то же количество осколков?

Нет.

Плохо...

– Оно от чего-то зависит? Количество?

Да.

Так. От возраста оно зависеть не может, безлетные все из одного десятилетия, если не сказать из одного дня. Значит...

– От числа возвращений? – и меня осенило. – Вы именно так и дробите душу? С помощью силы Гиблой тропы?

Вьюж одобрительно кивнул.

– То есть чем чаще возвращаешься, тем больше осколков... – я задумчиво закусила губу. – А ты можешь объяснить, как это... выглядит? Как всё это... происходит? Какая душа главнее? И как осколки связаны между собой? Ты ведь теперь можешь чаровать, да? Изобрази, я пойму.

Очень постараюсь понять.

Безлетный прикрыл глаза, встряхнулся и вспыхнул холодным зимним солнцем. А его лучами стали вытянувшиеся крылья, лапы и хвост. Последний оторвался от тела и заметался безумным странником.

– Лучи одного солнца, – поняла я. – И здесь – тоже... Все оторванные частички души теряют разум?

Нет, качнул головой Вьюж.

– И думающие чары помогают поддерживать связь и управлять?

Да.

– На сколько частиц мог раздробиться Стужа? Хотя бы примерно?

Безлетный вернулся в прежнюю форму, погас, встал и резко выдохнул. Ключок дороги между нами покрылся коркой льда, и острым коготком Вьюж коряво нацарапал: десять-пятнадцать.

– Да чтоб его, сразу... – не сдержалась я.

Зверёк грустно вздохнул.

– Как тебя зовут? – я отодвинулась и указала на лёд. – Напиши, если помнишь. А то мы зовём тебя... как прежде звали Стужу.

Он лишь улыбнулся и качнул головой. Выходит, забыл имя. И всё равно ему, как зовут. Лишь бы не бросали, поняла я по щемящей просьбе в льдистых глазах.

– Конечно, нет, – заверила я. – Нам нужна любая помощь и поддержка. Да и не дело это – своих бросать.

Вьюж снова улёгся на живот и выразительно, совсем как Равс, поднял брови: мол, ещё вопросы?

– Ты хоть что-нибудь помнишь из времён Забытых? – поёрзав, я села, скрестив ноги.

Нет. Да. Плохо, в общем. Осколками.

– Слабые места безлетных? – я спросила на всякий случай. Ну а вдруг?

Вьюж зубасто улыбнулся, и в его глазах сверкнул недобрый огонёк. И вспыхнуло обещание. Да, поняла я, кое-что об этом он помнит. И найдёт способ передать знания. И просто сделает в нужный момент.

– А правда, что если хоть один осколок души уничтожен, в целое безлетному уже не собраться? – сведения вроде бы достоверные, от Добры, но проверить не помешает.

Короткий кивок: да.

– И Стуже – тоже?

Пауза. Неприятная. И до меня дошло. Огрызки тоже уходят на Гиблую тропу. Стужа не сможет собраться здесь – но явно сможет там, на Тропе. А оттуда вернуться обратно.

Вьюж словно мои мысли читал – закивал, подтверждая.

– То есть если его и сможет кто-то грохнуть, то только сам Шамир? – мрачно уточнила я. – И лишь после того, когда мы вышвырнем Стужу за пределы живого мира? И даже с Гиблой тропы?

Он снова кивнул.

Я хмуро посмотрела на безлетного – в отличие от меня он искрил улыбчивостью. Как мало иногда для счастья нужно...

– Верн? – Зим, конечно, не спал, а давно и тихо сидел на крыльце, прислушиваясь. Да, уснёшь тут... – Я вот о чём думаю. Если Стужа проснулся пять лет назад, почему Шамир начал предупреждать так поздно? Ты спрашивала про два года назад – когда появились призраки городов, – а на самом-то деле...

– Думается, он и раньше предупреждал, – признала я. – Просто мы не видели. Мы, искры, живём почти безвылазно в блуждающих домах типа «потеряшек», а что там увидишь? Ничего. А замечали ли что-то другие старокровные... Наверное. Но молча.

Безлетный, поддакивая, заискрил.

– Ничего, – бодро сказал Зим, – если Стужу тогда напугали до спячки, значит, с ним можно справиться. И сейчас нам уже легче, чем несколько дней назад, когда мы вообще ничего не знали.

Так-то да... Конечно, истина прошлого, как безлетный, раздроблена на множество осколков, но мы уже начали собирать из них одно целое. И собрали достаточно, чтобы составить чёткий план работы, а не метаться бесцельно по миру, надеясь где-нибудь что-нибудь ухватить.

– Когда очнутя мои наставители, пойдём искать записи Весела и Бела, – я встала с тёплой земли. – После – в «потеряшку», к Дремню и Дорогу. Записи пишущих способны понять лишь они сами. И пусть разбирают. А мы тем временем найдём одну мою знакомую безлетную. Хочу, чтобы она посмотрела на тебя и рассказала... что-нибудь хорошее. Или плохое. Но правдивое. Заодно и Стужу обсудим. И то, как устроить на него западню. Боюсь, без помощи безлетных нам тяжело придётся.

– А как мы её найдём? – поинтересовался знающий.

Я улыбнулась зверьку-безлетному:

– Ты же сможешь найти своего?

Вьюж привычно кивнул.

– Да и Шамира попросим на всякий случай, – подытожила я. – Пусть переплетает пути. Чтобы не просто найти, но и побыстрее добраться.

– А сейчас ты опять отправишь меня спать, а сама уйдёшь за новыми сведениями или догадками? – улыбнулся Зим, тоже встав.

– Да, – мне стало неловко оттого, что он так быстро всё понял. – Не усну, пока всё не обдумаю раз на тридцать. Меня беспокоит раздробленность Стужи. И очень хочется найти его всего. Да, ему не слиться в действительно мощное создание, но... Их же можно как-то использовать, да? – я посмотрела на Вьюжона. – Как помощников?

Тот наморщил мордочку, встряхнулся, и снова отцепил от себя хвост – и снова над пустынным городом заметался безумный странник. Безумный – но неопасный. Сейчас. А вот от Стужи...

– Дров наломают... – негромко заметил знающий, наблюдая за воздушными коленцами хвоста.

Мама в прошлую нашу встречу чётко сказала: кроме моих, нашлись ещё три дыхания, один зверь Стужи и мелочь всякая. Надо спросить, что за мелочь... и всё-таки – сколько. Хотя бы примерно сколько осколков Стужи найдено и уничтожено.

Хвост вернулся к своему хозяину, и Вьюж вопросительно посмотрел на меня: мол, есть ещё вопросы?

– Подумаю, – решила я. Искоса глянула на Зима и добавила: – Пойду пройдуся. И по новым знаниям – тоже. Пробежишься раз тридцать по известному – на тридцать первый обязательно наткнёшься на важную мелочь.

Так, например, в очередной раз не ощутив холода крови Стужи, я наконец смирилась с тем, что знающей никогда не буду чувствовать так, как живой искрой. Потому что во мне есть тот же холод Гиблой тропы, что и в Стуже, и прочих «недо-», и даже в ледяных паразитах. И он делает нас похожими.

А ещё, думая о помощниках Стужи, я вспомнила об одном говорящем – том самом, который когда-то подтолкнул Тихну к убийству Видена, тем самым пробудив от спячки дыхание Стужи. Думается, что он не из знающих. И до сих пор прячется где-то среди людей. А я в круговерти дел совершенно о нём забыла.

О говорящем надо предупредить. И обязательно найти этого предателя. Между делом. Может, даже с помощью Зима – вероятно, у них есть что-то общее, какая-то метка, по которым Стужа спустя столетия находил потомков своих помощников, а самого Зима не обнаружил лишь благодаря «скользким» чарам безлетных.

– Как думаешь, твоя карта – чьих рук дело? Стужи?

Зим, уже скрывшийся за сухим плющом – «дверью», выглянул наружу и твёрдо сказал:

– Да.

– Тогда похожие штуки могут быть у других его помощников, – закинула удочку я.

– Задачу понял, – кивнул знающий и вернулся в дом.

А я отправилась бродить по верхнему городу. Думать. Искать осколки и понятные собирать в фигуры, а непонятные – откладывать в сторону. И впитывать тишину. И ловить песенные мотивы. Скоро, чую, так всё закрутится... Надо подготовиться. И подобрать для мамы вопросы о частичках Стужи.

И, да, поспать.

Потом. Хоть немного.

... Меня разбудил голос дяди Смела – такой тихий, что я не сразу его узнала. Примерно так же звучал мамин голос, когда я пряталась от неё в сундук с одеялами, а она бродила по комнатам, окликающая меня, – глухо, не всегда внятно, издалека.

Слишком мало сил набрались – рано говорить.

– Ты должна... – донеслось сердитое.

Светла промолчала. Дядя Смел снова забубнил.

Я села, обнаружила, что Зим уже ушёл, оставив мне котёл воды и горку снежков, и снова прислушалась. Голос дяди зазвучал громче, и я разобрала:

– ...должна сказать!

Ух ты. Светла явно выкопала из памяти нечто необычное. И... неприятное?

Я не торопила наставителей. Умылась, размялась, согрела воду и заварила травяной чай. Нашла в новых припасах хлеб, сыр, копчёное мясо, огурцы, блины и поняла, что летал Вьюж

не в мёртвые города, а в Обжитые земли. В «потеряшку» – её масляные блины я ввек не забуду. Какой молодец – и спасибо, Шамир, за подмогу...

– Если ты не скажешь, то я сам!.. – пригрозил дядя Смел.

Я устроилась на одеяле у очага, согрела тарелку с блинами и с аппетитом набросилась на завтрак.

– Нет, – донёлся слабый голос Светлы – тихий и отчего-то несчастный. – Сама. Но пусть поест.

– Потерплю, – я отложила блин. – Что случилось?

– Зной – это Ясен, – мёртво сообщила наставительница.

Я чуть не выронила тарелку:

– То есть?..

– То и есть... – Светла вдруг явственно шмыгнула носом. – Не понимаю, как он влип в эту историю... Но я его узнала. Там, с Дивной... Это Яс был. Он, знаешь, потому и вспомнил всё так быстро – потому что родная кровь к родной крови. Дивна же из нашего рода. Да, она его не вспомнила, мы – родичи дальние, они прежде не встречались... Но девочка Яса почуяла, поверила, потянулась к нему... Это точно он.

Ну и ну...

– Так он выжил, выходит? – осторожно спросила я. – Не сгинул в тех подземельях?

– Выходит... – прошептала она. – Он всегда доводил начатое дело до конца. Если решил, что таким созданиям не место среди живых людей... То это должно было коснуться всех Забытых. Он не уймётся, пока жив Стужа. Пока искры, да и его семья, в опасности.

Что ж... Это многое объясняет. Я с трудом верила, что некая искра, даже из прошлого, даже с подмогой в виде Равса, рискнула бросить вызов Стуже и напугала его до спячки. А вот Зной – это уже другой разговор.

– Интересно, – протянула я, снова подогревая блины, – а что он попросил взамен? У Шамира? За время тишины? Получается, это ведь Ясен уничтожил Бурю. Да и с Потопом помог. И, наверное, с их помощниками. И Стужу загнал в угол. И сейчас не позволяет ему развернуться. И сам... не делает то, ради чего его... создали. О чём он попросил?..

– А ты бы что-то взяла? Ты бы что-то потребовала? – вдруг резковато спросил дядя Смел. – Вот сейчас ты из штанов выпрыгиваешь, лишь бы успеть и всё сделать правильно. Потребуешь потом плату? За спокойную жизнь в живом мире без Забытых?

Я невольно вздрогнула:

– Да нет, ты что!..

– Вот тебе и ответ, – фыркнул дядя. – Шамир с перепуга мог пообещать что угодно, но умный и честный человек понимает, что, помогая миру, он в первую очередь спасает самого себя. Свою семью. Своих любимых. Свои земли. А уже потом – всё остальное.

– Интересно, – с порога, подражая мне, протянул Зим, – почему я всё должен узнавать, подслушивая?

Я обернулась и пожала плечами:

– Блины будешь?

– А ты поменьше болтайся где попало, – подколот дядя Смел.

– А я и не там был, – с достоинством возразил знающий. – Буду.

– А ну, покажь, что принёс! – оживился дядя.

– А вестями вовремя делиться будете? – насмешливо хмыкнул знающий и сел рядом со мной. – Смотри, Верн.

На его раскрытой ладони осколками янтаря мерцали крохотные семена. Я чуть снова тарелку с блинами не выронила.

– Дымник! – радостно взревел дядя Смел. – Светла, смотри! Да кончай ты хныкать! Жив твой братец и на нашей стороне, слышь! Сопли подбери, воительница! Всё образуется! И мы

возродим наши земли! Дымник!.. – и его голос упал до восхищённого шёпота: – Где ты его взял, парень? Ну хочешь, извинюсь? За это, за поучения?.. Ну, тогда, во вратах Стужи?..

– Не надо, – весело ответил Зим. – Ты был прав, а на правду не обижаются. Верн, это всё твой браслет. Он постоянно что-то шептал, но я не понимал слов. А здесь, в этом городе, его голос стал громче. И я понял. Мы вчера еду искали, помнишь? Оказывается, в некоторых домах двойной подпол. В верхнем – труха вместо еды, а вот во втором – сундуки с семенами. Браслет мне чуть руку не спалил, пока я искал туда входы.

– Они знали, – подозрительно сглотнув, выдохнула Светла. – Они забыли о вернувшихся, но не о беде. Они понимали, чем всё закончится. И приготовились.

– Вот заразы! – восхищённо цокнул языком дядя. – И ни слова не сказали, ни намёка не оставили...

– Меняю на блины, – знающий сжал кулак.

– На, – я сразу протянула ему тарелку. – И чай.

Тёплые семена покалывали кожу рук и грели душу. Я сжала ладони, зажмурилась и отчётливо уловила мягкую пульсацию – как биение крохотных сердечек. Будто не спящие семена в руках держала, а живого трепещущего зверька. Он дрожал, льнул к ладоням и отчаянно пытался заговорить – запеть. Но я вместо слов слышала лишь шелест – упоительный, умиротворяющий шелест листвы. И от него так сладко щемило сердце...

– Это так важно... для вас? – осторожно спросил Зим.

Оказывается, он не ел, а во все глаза смотрел на меня. И удивлённо слушал – а мы втроем плакали в три голоса, и дядя Смел громче всех, с пронзительными трубными звуками и ругательными покашливаниями.

– Очень, – я улыбнулась сквозь слёзы. – Это... дом. Это наш дом. Ты ешь-ешь. Подогреть? Знающий мотнул головой.

Я осторожно ссыпала семена в зачарованный внутренний кармашек сумки и пообещала:

– Когда-нибудь, когда мы избавимся от Стужи и прочих гадостей, когда мы вернёмся в наши земли и солнечные леса опять поднимутся до небес... Ты всегда будешь желанным гостем в землях искр. И там, тогда... поймёшь. Должен понять.

– Я всё утрясу, – вставил дядя. – И ни одна скотина не обзовёт тебя хладнокровным.

– Это же браслет, это же не я... – смутился Зим. – И это же ты мне его дала...

– А ты мог бы не слушать. Не ходить и не искать, – мягко заметила я. – Или найти – и не показать. Ешь.

Да, людям надо помогать, особенно хорошим. Хорошее дело всегда вернётся добром. И чем больше вокруг хорошего – тем лучше мир. А нам всем в нём жить, и лишь от нас зависит, каким он будет. От нас – и от наших мыслей и поступков.

– Я помню, где стоял город Приозёрный, – неловко сменила тему Светла. – И Алый – тоже. Это недалеко отсюда. К обеду доберётесь до Алого. А от него – двадцать вёрст до Приозёрного. Но, боюсь, пешком. Всё в округе уничтожено, никаких паутин. И тебе плести новую не советую. Мы не знаем, какими чарами пишущий Мечен накрыл записи.

– Прогуляемся, – согласилась я, вставая.

Зим поспешно сунул в рот предпоследний блин, прожевал, проглотил и торопливо сообщил:

– А я вспомнил, что у безлетных вместо паутин было. Точно их чары повторить не смогу, но путь немного срежем. Да, – он спокойно и с долей вызова встретил мой взгляд, – я ещё и вспоминал. Зачем Стуже оружие без прежней силы? И я многое вспомнил – и что могу, и сколько, и когда. И не жалею, что рискнул.

– Нет худа без добра, – кивнула я, гася солнечное пламя в очаге. – Проверим. Путь срежется чем-то вроде ледяной горки, так?

– Угу. Чем-то. Вроде.

Мы быстро собрались. Светла уже бормотала что-то тихо, явно прикидывая путь. На крыльце Зим показал на свои метки – на каждом доме со вторым подполом мерцала снежинка. Вёртка, доселе отдохавшая, проснулась, встряхнулась и выбралась наружу – обойти и запомнить на всякий случай необходимые строения. А Вьюж уже ждал нас наверху – лёжа на грибной шляпке камня-входа.

Едва мы вернулись в Долину тысячи ветров, как Светла предупредила:

– Смотрите под ноги. Видите тропу? Это путь до Приозёрного. Доберёмся до того, что от него осталось, – поищем то место в холмах. Я помню путь Славны и Мечена. Идите по ней. И не заблудитесь, и в снег не провалитесь.

– Я тоже путь помню, – я глянула на землю. – Если остатки городских ворот найдём, то до зачарованных бумаг быстро доберёмся.

Точно, тропа. Снег словно золотым песком присыпали. В лучах солнца он искрил сотнями тёплых звёзд.

Зим посопел неуверенно, но всё же, неловко подбирая слова, спросил:

– А когда... ну, тогда, в Приозёрном... Это же я его?..

– Нет, – ответили мы со Светлой в один голос.

– Ты был в беспамятстве, – пояснила я, вслед за легкокрылым Вьюжем пробираясь меж каменных изваяний. – Не знаю, что случилось в городе, но тебя я рассмотрела хорошо. Нельзя винить безумца. Особенно если им управляли чужие чары.

– Приозёрный чадил, то есть горел, – напомнила наставительница. – А холод вымораживает. Это не ты, Зим. Это кто-то из пишущих-говорящих постарался. Скорее всего, от страха.

Знающий явственно выдохнул. Надолго ли, если он нацелился всё-всё-всё вспомнить?..

А Светла так горько вздохнула... Да, Зной. Ясен. Прежде чем вспомнить себя, он, поди, успел наворотить... Или нет?

Частокол каменных изваяний постепенно редел. Чем дальше мы уходили от гриба, тем меньше становилось фигур, и расстояние между ними незаметно увеличивалось. И всё чаще взъерошивали снег хлёсткие порывы ветра.

– Светла, поройся у меня в памяти, – посоветовала я. – Найди и изучи новую карту – ту, которую составили после Забытых. Следов Зноя в пределах немного, и те начинаются ближе к Южной гряде, перемешиваясь со следами остальных Забытых. Мы так и не поняли, почему он прокладывал свою тропу, как другие. Думали, он помогал. А теперь я думаю, что он им мешал. Что его следы – это охота на Забытых. Возможно, по каким-то причинам он позже остальных появился. Или пробудился. И очень шустро вспомнил. Не возводи на брата напраслину раньше времени.

– Да, – наставительница вдохнула-выдохнула, успокаиваясь. – Спасибо.

– И ты, – я обернулась к Зиму, – тоже. Успеешь ещё заклеить и выпороть себя, когда добудешь точные факты. Без них этим заниматься бессмысленно. Пустая трата времени и сил. Лучше подумай, как на тропу Светлы наложить свою горку, – и сурово добавила: – Оба подумайте.

– Правильно, нечего сопли разводять, – подытожил дядя Смел. И после паузы заявил: – А я знаю как.

Началось обсуждение – сначала вялое, потом бурное, с возражениями и «а вот я думаю!...» Я не участвовала. Шамир больно молчалив. И, поглядывая на тропу, я прислушивалась к себе.

Ничего не хочешь сказать, а?..

Вчера, когда я бродила по одинокому городу, размышляя о свойствах безлетных и вспоминая легенду, рассказанную Дремнем, я невольно задумалась и о Шамире. Если безлетные – его эхо, если они, молчащие и душа мира, похожи... Не могло ли с Шамиром случиться то же самое, что и безлетными?

Не потому ли – на самом деле – он не смог дать Забытым отпор и защитить нас? Не потому ли ему сейчас так трудно говорить? Не потому ли, что он тоже в распадае? И именно поэтому после Забытых появились духи излома, голодные стаи и прочее?

А, Шамир?

И мир так красноречиво замер...

А ведь я всегда думала, что духи излома – явление древнее. Но, задумавшись о раздробленности Шамира, я задавала памяти прошлого вопрос за вопросом и получала лишь один ответ: нет. Не было прежде ни духов, ни стай. А душа Песни, которую я посчитала ипостасью Шамира, – это просто душа Песни. Это осколки душ первых искрящих, которые слились в одно создание, чтобы помочь своему народу и присматривать за нами.

Духи изломов же и дети зимы...

Почему это случилось, Шамир? Это чьи-то злые чары – или, как и в случае с Забытыми, твоя юность и недалёковидность? Почему теперь ты раздроблен на десятки осколков? И сможешь ли «собраться» в себя прежнего? Или уже нет, никогда?.. И не потому ли после Забытых с наступлением нового года мы больше не видим древнее созвездие – «лицо мира»? Потому что ты «разбился» на чёткие времена года? А ещё до Забытых ты мог «подселиться» к чужому вещуну... а сейчас смог бы – если бы было к кому? Смог бы заговорить?

Мир молчал, лишь тоскливо завывали в каменных изваяниях позади нас вернувшиеся ветра. Я не понимала, что значит такой ответ. Да и ответ ли это? Или просто обычная тишь пределов? Но ощущала острую потребность поговорить с Шамиром – честно, вдумчиво и спокойно, а не на ходу. И может, мы с ним даже найдём время и способ. Когда-нибудь. Как-нибудь.

– Верна!

– Племяша! Очнись!

Я вынырнула из задумчивости.

Каменные изваяния кончились – в солнечных лучах вновь знакомо искрила снежная степь. Позади нас синели, скрытые дымкой, предгорья Восточной гряды. В стоячем морозном воздухе мерцали крохотные крупинки льда. Солнечные лучи обнимали притихший мир. На безмятежном небе – ни облачка. И по-прежнему весело бежала вперёд золотая путеводная тропа Светлы.

– А может, не надо? – я опасливо поёжилась. Горки мне ещё во вратах Стужи не понравились. – Может, сами дойдём, а? Я бы и в Алом покопалось – нашла бы пепел силы от Славны, узнала бы, кто их с Меченом убил... А к ночи будем в Приозёрном. И мало ли какая гнусь там спит – силу, в смысле, поберечь бы. Не?..

– Зимой? – фыркнул знающий. – Беречь силу? Мне?

Ну да, признала я. Глупо.

– Не бойся, я – не Стужа, – поддел Зим. – И горки у меня такими же не получатся. Они будут проще, медленней и короче. Зато к ночи мы не только в Приозёрном будем, но и записи отыщем. Сама же говорила, не надо откладывать на послезавтра то, что можно сделать сейчас.

– Дело не в страхе, – я пока не могла понять, почему меня отталкивала здравая мысль сократить путь.

Да, повторюсь, не понравились горки. Но если надо, то я что угодно вытерплю. Даже силу осени и отрезанность от внутреннего солнца целый сезон терплю. Нет. Это что-то другое.

– Это что-то другое... – повторила я, озираясь.

Давай же, не молчи! Подскажи!

Но Шамир молчал.

Хорошо. Сыграем в знакомую игру. Правила ты знаешь. Молчи, если нет. Толкни ветром, если да.

Дело не в горках? Дело в полезном пути? Мы можем что-то увидеть по дороге? Полезное и важное?

Ветер взъерошил мои волосы, а солнце, показалось, улыбнулось.

– Идём пешком, – «перевела» я намёк Шамира. – Внимательно смотрим по сторонам... и не только. В нашем прошлом скрыто множество тайн, а пределы – ключ к ним.

– Всё правильно, – прошептала Светла. – Восточная гряда собрана из осколков разных городов, но не все слиты в скалы. Мелкие и ненужные разбросаны по округе. Здесь можно много, очень много интересного найти. Особенно когда сопровождает *знающий*. И много времени мы не потеряем. Полдня погоды не сделают.

Зим выглядел и разочарованным, и заинтересованным. Конечно, хотелось покопаться в загадках пределов. Но и попробовать чары ледяных горok – тоже.

– Нам ещё обратно идти, – напомнил дядя Смел. – Сохрани чары, парень. Пригодятся. А до Южной гряды можно будет и с ветерком.

Я поправила сумку и первой устремилаь вперёд.

Осколки...

Да весь наш мир – одни сплошные осколки. Во времена Забытых он рухнул с высоты своего самомнения, да так и остался лежать разбитым. Города – в осколки. Народы – в осколки. Память – в осколки. Дух Шамира – в осколки. И сколько нам всё это собирать в одно целое, и будет ли оно «рабочим»... Хотя – безлетные же собираются, если все осколки целы. И мы соберёмся. А если трещины останутся, если рубцы будут болеть на погоду... Пускай остаются и болят. Жестоким напоминанием.

Вёрт? Пошурши-ка по окрестностям. Вдруг что найдёшь. Все осколки здесь скрыты снегом.

Подруга нырнула в ближайший сугроб, и вслед за ней рванул, поднимая облака снега, Вьюж. Вроде поумнел, «собравшись», а от желания быть нужным и некоторой ревности явно не избавился. Без чувства собственной полезности жить сложно, да.

– Верн, а расскажи подробнее, что в Алом было, где ребят убили, и в Приозёрном, где записи припрятали, – попросил Зим, поравнявшись со мной.

Я собралась с мыслями и пересказала в деталях, как сама увидела, а не в общих чертах, как накануне. Всё равно больше делать нечего. Дорога одна. Заснеженное поле – одно и то же, и разнообразят его лишь наши помощники, один сверху, вторая снизу, выныривая из сугробов. А до Алого путь неблизкий.

– В записях Весела и Бела всяко будут имена их проклятых продолжателей, – голос дяди Смела сочился зловещим удовлетворением. – Уверен. По ним несложно будет вычислить потомков и спалить всю эту гниль. И с вниманием и тщанием спалить, чтоб даже пепла не осталось.

– Думаю, Шамир неслучайно свёл наши пути – Дорога и мой, – я кивнула. – Ему можно доверять. И записи отдать. Только пишущий сможет разобрать каракули пишущего. Отправим записи в «потеряшку», как только найдём.

И если благополучно найдём.

– А наставительница Снежна? – поднял брови Зим. – С ней Шамир тебя свёл раньше. Почему не ей? И почему не Дремню?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Просто чувствую, что записи – для Дорога.

– Вероятно, он – потомок, – предположила Светла. – Если выжили семьи предателей, то почему бы не уцелеть и потомкам Весела и Бела?

– И Хмура? И Золота? – оживилась я.

Проклятье Стужи и это зацепило – многие искрящие потеряли свои корни. У кого выжили родители – те помнили, а кто остался сиротой – нет, запомнили лишь приёмных родителей. Моя семья как раз из таких – наши корни бесследно сгинули в тумане прошлого. Ни деды, ни бабушки не помнили родных, только приёмных. А ведь так интересно знать, чей ты потомок на самом деле...

– А вот это мы узнаем, когда память вернётся, – вздохнула Светла. – Я сейчас не могу даже путь Дивны проследить. Не знаю, выбралась ли она с родителями тогда из пределов, выжила ли... Но мы отвлеклись. Ты понял, Смел, да? От имён толку мало, если на память пишущих и говорящих легло то же проклятье. Имена предателей вычеркнули из памяти так, что их там и нет поди. Слово их никогда не существовало.

– Значит, есть что-то другое, – упорствовал дядя. – Иначе зачем из-за них убивать?

– Вот с этим соглашусь.

– И я тоже зачем-то пошёл именно за записями... – пробормотал Зим, щурясь на солнце. – Ну, тогда...

– Потому что это не ты был, – я держалась своего. – Потому что тебя вели чары. Не отпустил бы тебя Стужа на вольные хлеба – тебя, одного из немногих первых и удачных, на кого потратили силу помнящего. Мой наставитель Силен чётко сказал: ты – с благом Шамира, помнишь? А значит, ты появился тогда, когда это проклятое дело только начиналось и Шамир ещё не передумал.

– Забытые потеряли память, да? – знающий внимательно посмотрел на меня и задал один из своих противных вопросов: – А почему нынешние «недо-» с памятью получают? Они даже свои прежние имена вспоминают. А я вот не могу. Если вы отказались помогать тогда и, само собой, не помогаете сейчас? А может, Забытые тоже прокляты? Тоже были под чарами?

Я вспомнила то, что видела в склепе: мёртвые глаза Потопа, мёртвые глаза Зноя...

– Потому что сейчас на Гиблой тропе очень много нашей силы, – ответил вместо меня дядя Смел. – Ты же помнишь, раньше мы умирали, когда хотели. То есть не слишком часто. И нашей силы везде было мало. А сейчас и Гиблая тропа много её впитала, и живой мир. Шамир до сих пор судорожно пристраивает нашу силу к летникам, и ещё не на одно поколение знающих хватит того, что выплеснулось во времена Забытых. Но это же мёртвая сила. Посмертная. Она не годится для полноценной жизни. И для полноценной памяти.

– Да и сами Забытые ещё опытами были, – добавила я. – Думается, Стужа сообразил, как делать «недо-» лишь тогда, когда ему Шамир невольно показал. Безлетные же знающие и хранят все знания мира. Они к ним ручьями стекаются сами по себе благодаря старым чарам. Даже если Шамир не хочет делиться – всё равно стекаются.

Ветер тихо и печально вздохнул.

Ну и наломал же ты дров...

– Скоро Алып, – предупредила Светла, и куколка, искря глазами, высунулась из нагрудного кармашка. – Я ощущаю знакомый пепел. Будьте настороже.

Даже при однообразии дороги за интересными обсуждениями время быстро летит, да.

– Славна – кем она вам приходилась? – вспомнила я симпатичную искрящую.

Которая ненароком сказала очень правильные слова: дома искры с памятью общались чаще, чем друг с другом, да и друг с другом – в основном семьёй, обсуждая всё те же находки из всеобщей. И теперь – тоже. И, не столкнувшись я с миром людей, не задумалась бы, что это ненормально. Не совсем нормально. Такая «необщительная» жизнь всегда была нашей нормой. Привычкой. Традицией. Но – традиции ценны там, где их понимают и уважают. К людям с ними идти глупо. С людьми надо быть другими, хоть немного. И я обязательно обсужу этот вопрос со своими.

Интересно, а где Силен носит? Вот бы его после пределов отловить... и амулет-«имя» Ясена вернуть. Зной, поди, обрадуется пропаже.

– Славна – моя внучатая племянница по отцовской линии, – грустно ответила Светла. – Первый ребёнок, папина любимица. Когда я приезжала работать в гробницы, она всегда прибегала побыть рядом. Любопытная, как котёнок. Хорошая девочка. Очень.

– Извини... – пробормотала я.

– Ничего, – грустно улыбнулась искрящая. – Всем своя судьба отмерена. Я, видишь, тоже не слишком хорошо жизненный путь завершила. Но о себе-то я не жалею. Я многое успела сделать и долгий путь прошла. А вот деток... Деток до слёз жаль. Они же не виноваты. И кабы в честном бою, а не так, со спины...

Впереди затемнели обломки камней. Вблизи – мелкие, почти скрытые снегом и напоминающие сугробы, вдаль – выше человеческого роста, со снежными шапками и выбеленные мелкой крошкой. Нелепые, уродливые и угрюмые на фоне безмятежной белизны бесконечной степи и под лучами смеющегося солнца. Жалкие и жуткие до дрожи, если вспомнить, чьи руки их сотворили.

– Это ещё не Алый, – предупредила Светла. – Это Яблочный – городок небольшой, трёх-стенный. Алый – как раз следом за ним.

– Мы идём тропой Стужи, – пояснила я, встретив вопросительный взгляд Зима. – Говорят, от его чар лопался камень. Если в городе было мало старой крови, Забытый его просто вымораживал. И на его пути мы находили много целых городов вроде Лунного – помнишь? Целые, но замороженные. А если старой крови было много, мороз схватывал камень, и одного его прикосновения хватало, чтобы стереть город в пыль.

Знающий нахмурился, и я снова повторила:

– Это не ты уничтожил Призёрный. Я слышала грохот и видела дым. И снег с пеплом. Уймись, совестливый ты наш. Снег – вероятно, твой, а вот пепел – нет. Или ты знаешь какие-нибудь сжигающие чары?

– Нет, – признал он. – И даже сочинить не получается.

– И не получится, – уверенно сообщила Светла. – Не то солнце. Совсем не то.

– Ну и всё, – подытожила я, понимая: это заткнёт невероятную совесть Зима ненадолго. То есть надо его отвлекать. Постоянно.

На дальний, самый высокий и длинный огрызок не то городской стены, не то стены дома, льдисто поблескивающий на солнце, села, сложив крылья, крупная белая птица. Склонив голову набок, она хитро прищурилась. Мы с Зимом переглянулись и наперегонки рванули на встречу с Шамиром. Да и по пути было – тропа упиралась в обломок, огибала его и исчезала за ним.

Я, конечно, добежала первой, опередив своего спутника на добрую сотню шагов. Подняла голову, ободрилась добродушным подмигиванием, нацепила на ладони «царапки» и шустро взобралась на обломок – пожалуй, всё-таки стены. Знающий, на бегу соорудив выюжную лестницу, взобрался следом.

– И?... – он огляделся.

Неподалёку, на маковке обломка поменьше, примостился Выюж. Вёртка, доселе нырявшая из сугроба в сугроб и испещрившая снег кроличьими норками, замерла, наполовину высунувшись из новой.

Шамир снова распахнул крылья, и во все стороны брызнули белые перья. Мир враз накрыло снежной пеленой – ни зги не видно. Зим, стоящий в шаге от меня, превратился в размытую тёмную фигуру. Солнце исчезло за густыми снежными хлопьями.

– Тебе же нельзя чаровать!.. – выдохнула я испуганно.

– Почему? – немедленно заинтересовался знающий.

– Потому что... – я осеклась.

Город восставал из мёртвых.

Поднимались из земли остовы домов и нарастали сверху крыши. Прокладывались дороги. Заново возводились стены. Тысячи невидимых рук неустанно лепили из снега постройку за постройкой. А когда с домами, дорогами и стенами было закончено, чары взялись за деревья. За животных. И за людей.

Они проступали из снежной заверти, закутанные в пушистые белые шали – суровые лапы елей, сильные спины ездовых псов, покрытые головы и сутулые плечи людей. Сначала – неподвижные, точно кто-то на вдох-выдох остановил время, а потом... живые. Дрожащие под порывами вьюжного ветра, бегущие и стряхивающие снег.

Вспыхнули, бессильные в метели, волшебные фонари – одна золотая цепочка под нами, у городской стены, и вторая вдоль шумных домов. Потянуло свежим хлебом и сладкой выпечкой. Зашумели ели. Обмениваясь короткими фразами, бежали к домам люди, придерживая шапки и прикрывая глаза от снега. Фыркающая, встряхивались псы. Скрипели по свежему снегу сани. И тепло, манящее, разгорались огоньки за морозными узорами стёкол.

– Зачем?.. – хрипло прошептал рядом Зим. – Зачем он нам это показывает?..

Я знала ответ. Но побоялась его озвучить.

– Смотри, – ответила тихо.

Снег на мгновение замер, опав на землю. И жизнь тоже замерла – опять, точно некто остановил время. Зим выругался, явно догадываясь, что сейчас случится, дёрнулся, но ничего не успел сделать. Я повернулась и перехватила его руку, больно сжав запястье.

– Это прошлое, Зим, – напомнила шёпотом. – Ты ничего не сможешь изменить. Ты можешь только смотреть. И понимать. Прошлое не изменить. Но вот настоящее и будущее, зная прошлое, – да. Если страшно... закрой глаза.

Но он не отвернулся. Снова ругнулся и уставился в одну точку – в добрый огонёк за чьим-то окном в ближайшем доме. Я тоже глянула на него искоса и поняла: не хочу верить. Не хочу верить в то, что городок вот-вот рассыплется мёртвым снежным комом вместе с его замечательно живыми жителями.

Но...

Мороз ударил с такой силой, что даже я враз замёрзла – и моментально окоченела до полной неподвижности. И не было никаких взрывов, никаких искр и горящих боевых солнц. Просто похолодало так, что стало больно дышать и невозможно вздохнуть, шевельнуться... подумать. Остались лишь стужа... и защитно бьющаяся пульсом в висках песня. А после ударил ветер – один мощный порыв, и всё живое и неживое осело снежным пеплом.

– Он отсюда чаровал, – сообразил ни на искру не замёрзший Зим. – Стужа. Потому и место цело.

Снова взметнулся снег, и мороз исчез. И опять вместо города – кусок стены и несколько каменных, изломанных чарами, уродливых осколков прошлого.

Я выдохнула и плюхнулась на стену, дрожа и закутавшись в согревающую искристую пелену. Нет, Шамир это показал и для меня тоже, хотя я прожила подобное много раз в склепе памяти. Прожила с болью за живых – но не до конца поняла.

Если Стужа войдёт в силу, мы ничего не сможем сделать – замёрзнем так быстро, что даже не сообразим начаровать тепло. Или мгновенно взорвёмся, с нашей-то реакцией на лютую стужу.

Да, или – или, и всё без шансов. Песня защитит от взрыва, но не от мороза, а без неё... Ух. Да, без шансов.

Потому что теперь Стужа не будет брать город за городом, щадя те, где живут одни люди, и уничтожая холодную кровь, как здесь – в Яблочном, вместе со старой. Теперь, когда на его хвосте Зной, да и мы в состоянии защитить себя, мороз накроет едиными чарами сразу все живые земли. И наверняка только старую кровь. У Забытого было несколько свободных лет после спячки, чтобы понаблюдать за нами и усовершенствовать чары. И раскидать их по всем Обжитым землям. Даже, поди, по подземельям, заодно потревожив древнюю нежить.

Тьма и все гиблые затмения...

Знающий сел рядом. В отличие от меня, он на своей шкуре угрозу не ощутил. Но помрачнел ещё больше, и угрюмые глаза устали в одну точку – да, опять туда же, где ещё вдох-выдох назад мерцал уютный, милый любому сердцу домашний огонёк.

– Паскуда... – крикнул Зим, промолчавшись, и метнул злой взгляд на Шамира.

Тот по-прежнему сидел птицей, сложив крыла, и наблюдал за нами, склонив голову набок.

– Зараза... – снова ругнулся знающий.

Я поджала губы, сдерживая улыбку. Это было жестоко, Шамир, да. Очень. Но теперь Зим точно пошлёт Стужу с его обещаниями грязно, далеко и навсегда. В нём слишком много чисто человеческой доброты, чтобы обменять свою память на сотни чужих жизней.

– Его ж душу... – всё не отпускало знающего.

Я повернулась к Шамиру и мягко спросила:

– Значит, ты можешь чаровать? Иногда и по чуть-чуть?

Птица моргнула, и я уловила очень чёткое обещание: в нужный момент он нас не бросит и сотворит кое-что очень важное.

– А это не будет... последней каплей? – опасно уточнила я.

Шамир фыркнул, распахнул крылья и взмыл в небо.

Не будет. Стужа явно преувеличивал беспомощность и «замусоренность» Шамира. Может быть, из-за распада сил уничтожить Забытого у раздробленной души мира нет... Но если все его осколки с остатками чар соберутся в одном месте, то у Шамира наверняка получится необходимое и явно давно запланированное чудо.

– Почему ему нельзя чаровать? – отвлекся от своих переживаний Зим.

Я коротко объяснила.

Знающий выслушал и недоверчиво посмотрел вслед птице.

– А я, Верн, думаю, что он сам распался на части, – произнёс он задумчиво. – Или чтобы не сорваться и новых бед не натворить... или потому что только таким, мелким, Шамир и может чаровать. По чуть-чуть, но без опасности для нас. И, кажется, даже используя свою сезонную силу. Ту самую, вредную, которой слишком много.

Птица заложила над нами круг и вспыхнула вторым холодным солнцем.

– Похоже, – согласилась я, шурясь. – Что-то в этом есть. Наверное, ты прав.

И мне неважно, как до тебя дошло это знание, да. И я не ревную, ни-ни, Шамир, честно-честно!

– Ладно, передохнули – и в дорогу, – я тряхнула головой. – Покопаемся в Алом – и без остановок до Приозёрного. Там и заночуем где-нибудь. И это... ты меня прости. За хладнокровного.

И ещё раз за него. И ещё раз.

– И меня, – очнулся дядя.

А я и не заметила, как наставители примолкли на время Шамировых чар... А мне так хотелось расспросить дядю о Зиме – о том ли они со Светлой подозревали, что вскрылось, на правую ли руку Стужи он намекал... Но, думается, да – именно на это. Карта-метка Забытого – последняя тайна Зима, все остальные мне Силен ещё в Гостевом раскрыл.

– Да я и не сердился, – знающий улыбнулся. – У всех свои странности. Ну и правда же это. Ты говорила, что по крови мы теплее людей, но по силе-то я их точно холоднее.

– Кровь и сила – не главное, – заметила я. Теперь – твёрдо в это веря. – Главное – человеком быть хорошим. И чтобы странности не разъединяли. И не ссорили. Пошли, короче. Дел невпорот.

Глава 3. Город-из-теней

От Алого осталось чуть больше, чем от его несчастного города-соседа. Угрюмые остовы домов, занесённые снегом и заросшие сосульками. Приличные куски разных городских стен. А в одной, дальней от нас и вроде бы первой городской, даже ворота уцелели – алые, как свежие розы. На общей белизне – снега, неба, солнца – они смотрелись дико и вызывающе, одиноко и уязвимо. Как празднично и не по-местному одетый чужеземец с радостной улыбкой в наш прощальный или поминальный день.

– Я направлялся сюда, да? – напряжённо уточнил Зим. – Из Приозёрного?

Я молча кивнула.

Он сбросил сумки, опустился на колени и зарылся пальцами в снег. Память, вспомнила я. Память снега. В землях, по которым прошли Забытые, их сезоны замерли навсегда. И лежащий здесь снег, несмотря на прошедшие вёсны и лета, отлично помнил Стужу – или того, кто уничтожил жизнь и похоронил под сугробами останки города.

На меня легла тень, но это был всего лишь Вьюж – он сосредоточенно нарезал над Алым круги, не то что-то определённое высматривая, не то просто бдя. Вёртка давно рыскала под снегом. И Зиму лучше не мешать, да. И мне отчего-то до зуда хочется добраться до уцелевших врат. Да и тропка Светлы указывает: нам в ту сторону.

– Это не Стужа, – сообщил дядя Смел угрюмо. – Наши постарались, племяша. Старая кровь, говорящие и пишущие. От безлетных оставалась снежно-ледяная крошка. От наших чар – пепел. И ничего кроме. Если от чьих-то чар что-то осталось, то это или пишущий, если немного, или говорящий, если побольше. Здесь, полагаю, пишущие, паскуды, развернулись. Расстарались, м-мать их.

– Есть шанс, что, получив предупреждение Мечена, они попытались создать оборону, но напортачили по неопытности? – спросила я, поглядывая по сторонам.

Последнее воспоминание Славны – солнечное зарево над городом. Это могла быть и попытка защиты, обернувшаяся горькой правдой: боевыми чарами старая кровь не владеет и внутренним солнцем в ярости управлять не умеет. Совсем.

– Очень крошечный, – проворчал дядя. – К тому времени они изучили десятки вернувшихся, и ни один из них не был опасен... настолько. Хотя... – он вздохнул и признал: – Может. И Приозёрный исчез по той же самой причине. Никто из нас прежде не сталкивался с напастью в виде обезумевшего чаровника непонятого свойства, и мы могли полыхнуть от того же страха. Ещё как. Искры же в Приозёрном, как ты помнишь, были. Здесь, вероятно, тоже.

– Я сейчас... – невнятно пообещала Светла.

Куколка высунулась из нагрудного кармана моей куртки, сверкнула глазищами, и недалеко от врат из сугроба мягко поднялся, распускаясь, солнечный цветок. Длинный тонкий стебель, многочисленные острые лепестки. И сердцевина, вспомнила я эти чары, присыпанная пеплом.

Всего лишь один цветок. Других искрящих, кроме Славны, в Алом не было.

Наставительница судорожно вздохнула раз-другой, но сдалась и снова тихо заплакала. Дядя сурово молчал, но молчание это чудилось полным ругательств. А на обломок стены у врат снова села знакомая снежная птица и посмотрела на меня так печально, так виновато... А потом Шамир взмахнул крыльями, и рядом вытянулись ещё два цветка поменьше. Один горел золотом, а по второму шли чёрные пятна гнили.

– Сгинул, значит, мразь, – удовлетворённо хмыкнул дядя Смел. – Убил, но и сам не уцелел. Туда тебе и дорога. Надеюсь, Шамир, ты тепло его встретил?

Льдистые глаза птицы сверкнули мрачным огнём.

– Как-то тебя подозрительно много, – заметила я, спеша к цветкам. – И чаруешь ты уже второй раз за день. Уж не освободил ли Вьюж вместе со своим осколком души ещё и твой?

Птица отрицательно качнула головой и повеселела.

– Он соскучился, – улыбнулась, отвлекаясь от горьких мыслей, Светла. – Истосковался и по общению, и по чарам. На изломе сезонов он всегда слаб и появляется только шаловливыми духами, но чем ближе к середине – тем больше силы.

– А чем ближе к очередному излому – тем её меньше? – сообразила я. – Нет, до «без четверти весна» тянуть нельзя.

Птица одобрительно кивнула. Я прибавила шагу. Задумалась об общении и кое-что вспомнила.

– Когда-то Шамир умел говорить через вещунов, – я нахмурилась. – Так он рассказал о случившемся Веселу, предупреждая. Мы об этом не знали и думали, что он вообще не говорит, лишь отголоски мыслей и настроя передаёт, и всегда понимали мир скорее на уровне ощущений. А сейчас он ничего не может рассказать толком, потому что говорящие из-за проклятья Стужи разучились творить вещунов? Других путей у Шамира нет, кроме как ветром подталкивать? – я посмотрела на птицу. – Да?

Она развела крыльями. И понимай это как хочешь.

Наставители пошушукались, совещаясь, и Светла предположила:

– Вероятно, у каждого народа старой крови были свои пути общения с Шамиром. Свои чары, чтобы слышать мир. И подозреваю, что через вещуна он мог общаться лишь с говорящими. Хотя сейчас и это было бы хорошим подспорьем.

– Зной Шамира отлично понимал, – припомнил дядя Смел. – Значит, наш путь тоже перекрыт проклятьем. Мы, конечно, приноровились... Но не так чтоб очень.

– Но и то хлеб, – возразила я.

Алый оказался немаленьким. И стена с воротами, и цветы вроде находились недалеко, но я до них топала и топала. Даже слегка запыхалась – на бег перешла, не выдержав. Очень уж хотелось поскорее цветы изучить. И узнать, что за сволочь сгубила двух беззащитных ребят.

– Не трогай пепел, – предупредил дядя Смел. – В склепе ты перебрала с памятью, и если сейчас голова не болит, то лишь потому, что выпалась. Одно новое знание – и придавит. И на несколько дней сляжешь. Погоди, пусть узнанное утрамбуется. Сами всё сделаем. У нас-то нечему болеть, – добавил с сожалением.

– Хорошо, – покладисто согласилась я.

И верно, не болит. Хвала солнцу. Как до Стужи добралась – так и забыла о какой-то головной боли. Но она, коварная, в любой момент может вернуться и с подмогой.

– Верн! – громыхнуло над Алым счастливое. – Это не я! Я досюда не дошёл даже!

Мне неожиданно полегчало. Вроде и не волновалась... а оказывается, волновалась. Хотя с чего бы вдруг?.. Сразу же понятно было, что Стуже здесь достались одни обломки. Что сами напортачили.

– Поздравляю! – крикнула в ответ. – Догоняй!

Думала, он ледяной горкой воспользуется, а знающий догнал меня знакомым по Лоскутному ветерком – чем-то средним между полётом на крыльях и моментальным перемещением безлетных.

Дядь, а у нас точно кроме паутины дорог ничего нет? А то я чувствую себя слегка... ущербно.

– Ты просто не всё знаешь о паутине, – загадочно отозвался дядя Смел. – И постоянно шевелиться полезно для здоровья. Для умственного особенно – на ходу можно многое обдумать.

Я насмешливо фыркнула – и согласилась. Да, полезно. Пару вёрст прошагаешь – пару проблем решишь. Да ещё и пару древних кладовых попутно вскроешь. Они, правда, то решённое заместят, добавив дел... но не будем о грустном.

Зим сиял и искрил, как свежий снег под ярким солнцем. Я едва удержалась от естественного напоминания: то, что его не было здесь, – ещё не повод для радости. Но удержалась. В последнее время мы так мало радуемся, что каждый повод, пусть и сомнительный, важен и нужен. Да и сам, поди, понимает, не дурак.

– Цветы, – я указала на итог солнечных чар, – видишь? Это поисковые чары. Они находят пепел погибшей искры и поднимают его из земли даже спустя столетия.

– А что он даёт? – любопытно прищурился Зим.

– К сожалению, мало, – ответил дядя Смел. – Имя, возраст, внешность, принадлежность к определённой семье. Но нам другое важно – причина смерти. Это тоже на пепле отпечатывается.

Цветы наконец заискрили в сотне шагов от нас. И ворота снова удивили – нетронутые, ни единой царапинки, ни пятнышка копоти. Точно в миг беды они находились не здесь – не в Алом.

А кстати... Это мысль. Это надо проверить. Шамир же полон чудес – до краёв и через край. А уж во времена создания древних городов то, что мы сейчас полагаем чудом, использовалось в быту как самые обычные чары.

– Верна, ты нас из кармана вытащи, – попросила Светла. – И к цветам поближе положи. А сама отойди.

Я послушалась. Цветы накрыло густой солнечной паутиной. Зим любопытно вытянул шею, но, конечно, ничего рассмотреть не смог и разочарованно фыркнул. А я снова изучила ворота и посмотрела на Шамира.

– Они куда-то ведут, да? – уточнила шёпотом. – И нам *туда* надо?..

В льдистых глазах птицы сверкнула улыбка. А после она взмахнула крыльями и исчезла, лишь осел обратно на стену растревоженный снег.

Знающий уловил суть и не поленился, сбросив рядом со мной сумки, обежать стену с воротами.

– Никуда они не ведут, – сообщил он громко из-за стены. – И ничего тут нет, даже развалин.

Я улыбнулась. Тут – нет, а *там* – есть. Правда, что это было за «там», я понимала смутно, но ощущала верность вывода. Ворота кое-куда ведут. И нам надо туда сходить.

Когда Зим вернулся, у меня уже появилась догадка, основанная на изучении окрестностей и их особенностей. Я достала из сумки карту, расстелила её на сумках и довольно хмыкнула. Нет, не зря я в своё время её выпросила у чародела Смешена... На этой стороне врат – там, где находились мы, цветы и прежде шумел Алыи, – обозначалось расплывчатое пятно. Словно ворота, одни, без стены, отбрасывали немалую тень.

– Тень! – сообразил и знающий, бросив на карту цепкий взгляд. – Как я раньше-то не заметил... Здесь нет теней, Верн, хотя солнце вовсю светит. Ни от стен, ни даже от нас с тобой.

– Да, – кивнула я, обводя тёмную область на карте, – они все... тут.

– Не понимаю... – проворчал Зим, оглядываясь.

– Думаю, это тайная кладовая, – я запомнила очертания теневого пятна и сложила карту. – Мы забыли об этих чарах, а вот в старые времена они были очень развиты. Паутина дорог, например. Это же особое пространство, которое помогает срезать путь. И здесь, – я хлопнула ладонью по снегу, – тоже есть особое пространство. И оно прячет в тенях нечто важное.

– Снег о нём смолчал, – заметил знающий.

– Значит, оно было создано до, – я убрала карту в сумку и стянула завязки. – До уничтожения города. До Забытых. И, может, до Алого. Древняя кладовая старой крови. Подозреваю, не наша – не искрящих.

– А ключ – всё то же солнце? – предположил Зим, задумчиво шурясь то на алые врата, то на небо. – Теневые дороги паутины же получаются от солнца, так?

– Солнце Шамира – ключ вообще ко всему, – напомнила я. – К жизни, к чарам и, само собой, к тайнам.

– Сможешь взломать чужую кладовую?

– Солнце – ключ ко всему, – повторила я, встав.

Наставители ещё не закончили. Да что они там ищут, если более-менее всё понятно?.. Разве что пепел убийцы как следует поворошить, чтобы точно знать, откуда он такой взялся...

Я осталась ждать у сумок, а Зим по своей привычке отправился бродить по развалинам. Я понаблюдала за тем, как он то из одного окна высунется, то из другого, но больше от нечего делать. Наши спутники, обшарив останки города, ничего интересного не обнаружили и заслуженно отдыхали. Вёртка – на своём месте, Вьюж – на стене рядом с вратами, сложив совиные крылья.

Забавный у нашего безлетного всё-таки облик... Интересно, зачем он смешал в себе столько всего разного? Что-то от птицы, что-то от зверя, а игольчатый гребень – от пустынной ящерицы.

– Говорящий, – громко и зло сообщил дядя Смел.

Я от неожиданности едва не подпрыгнула:

– То есть?..

Цветы до сих пор скрывали чары наставителей, но раз дядя заговорил, то они закончили.

– Интересно, как они в прежние времена умели себя заговаривать, – отметила Светла. – Никого в свою жизнь не пускали. Закрывались со всех сторон чарами и прятались за ними, как за десятью городскими стенами и под двадцатью крышами. Вся жизнь – сплошь тьма. И мы её так светом и не пробили.

– Но зато узнали об этом забытом умении говорящих, – дядя шумно вздохнул. – Ну и о том, кто этот грязный паскудник. Убийца. Я-то думал, пишуший. А вот нет. Но имечко-то – оцени, племяша, – Ближен! А?

– Ну, для Забытых он таковым и стал, – заметила я, наблюдая, как чары наставителей осыпаются золотой пылью и впитываются в снег. И гаснут цветы. И куколка неловко вертит головой. – Можно попросить Нему проследить за его потомками. У нас один говорящий точно ненайденный – тот, который создавал и смущал «недо-», направляя их путём Забытых. Найти бы заразу. Вдруг он этого, Ближена, потомок? Или хоть какой-нибудь родственник?

– У нас и кровь теперь есть, – ухмыльнулся дядя Смел. – Треть капли, тень тени, но и то помощь. Права ты, племяша, Стужу уничтожить мало. Всю гнусь надо вытравить. До единого.

– Прежде нам везло, – я подняла куколку и вернула её в нагрудный карман сумки. – Глядишь, и теперь всё сложится.

– Везло? – хмыкнул дядя. – Всего лишь?

– Ну ладно-ладно, Шамир это, а не везение, – согласилась я. – Вовремя пинал и правильно направлял. Но и везло тоже. А вдруг бы знаний о паутине в склепе не оказалось? Вдруг бы они под проклятьем были? Я бы не успела вовремя до Зима добраться.

– Тем, кто прав, не может не везти, – убеждённо сказал дядя Смел и зычно рявкнул: – Зим, эй! За дело!

Знающий бодрым вьюжным ветерком слетел с ближайшей крыши, подхватил сумки и заинтересованно поднял брови.

– Обойдём врата, – я взяла свою сумку, перекинув её через плечо. – А там... Солнце, да, Светла? Ты что-нибудь знаешь о таком «теновом» пространстве?

– Увы, – с сожалением признала наставительница, – ничего. Я даже не знаю, чьих оно рук – пишущих или говорящих. Или безлетных. Но будьте начеку. Оба.

Я напряглась. Зим, напротив, воодушевился. Кажется, после того, что он узнал благодаря Стуже, знающий был не прочь проверить себя в деле. Глаза так и искрят боевым задором. Хорошо это или плохо? Время покажет.

– На рожон не лезь, – попросила я серьёзно. – Иногда полезнее быстро унести ноги.

– Приготовлю горку, – кивнул Зим, но меня не обманул. Прежде чем драпать, он намерен подрасться. Что бы нам ни встретилось.

– Вьюж, пойдёшь вперёд? Вёрт, отдыхай пока. Пролезем в кладовую – на тебе наши спины и всё, что учуешь. Ну, с Шамиром.

С обратной стороны врата Алого тоже оказались нетронутыми чарами и временем. Бликовала свежая покраска, сияли металлические скобы. Ни ржи, ни пятен копоти. Лишь огрызки покалеченной стены вокруг напоминают о разрушительной силе старой крови.

Мы с Зимом переглянулись, и я сжала в ладонях солнышко, постепенно увеличивая его в размерах.

– Тень, – первым заметил знающий. – Смотри, Верн. Появилась.

И точно: от меня медленно поползла, удлиняясь, кривая тень.

Врата тихо скрипнули. Мы снова переглянулись.

– За мной, – почему-то шёпотом предупредила я, увеличивая солнце, и осторожно шагнула вперёд.

Зим поотстал.

Врата снова скрипнули, приоткрывшись, и из чёрной щели дохнуло чем-то таким... Точно там, в теневом пространстве, совершенно не было воздуха. Или был, но очень старый, застойный и почти непригодный для дыхания. Как...

– Пишущие, – моментально понял дядя Смел. – Помнишь тайник в стене, племяша? От Мирны? Они что, заразы, совсем не дышат, что ли? Что за блажь? Чем мы там дышать будем?

Вьюж покрутился у врат, понюхал тяжёлый воздух, обернулся и покачал головой. Мол, напустил бы ветра, да нельзя.

– Наверное, это необходимо для сохранности письма, – предположила Светла. – Но раз пишущие – тоже люди, то они там выживали. И мы выживем.

– Но выметаться оттуда надобно поскорее, – озабоченно добавил дядя. – Зим, чары не трогай. Ещё порушишь что-нибудь. Пишущие этого не простят. В чужое сакральное место лезем – давайте с уважением. На своих двоих зашли – на своих двоих и вышли.

– А мне кажется, что выживали там одни вещуны, – я сморщилась, наращивая в ладонях солнце.

Врата, чувствуя его жар, медленно расползались. Щель ширилась. А тьма за вратами, кажется, становилась лишь гуще, ошестинившись на дневной свет.

– Вещуны сами по себе не передвигались, – возразила Светла. – Они привязаны к хозяину и всегда находились рядом. Иногда их оставляли в определённом месте, привязав к нему чарами, но для этого пишущим нужно было дотуда добраться. И провести там много времени. Не бойся.

А я вроде и не... Разве что чуть-чуть. Не по себе. В чужое же сакральное место без приглашения лезем, да.

Вёртка предупредительно вылезла наружу и обвилась вокруг меня вторым поясом, живо поглядывая по сторонам. Вьюж подышал тьмой, чутко шевеля носом, и первым скользнул в щель. А я ещё немного постояла рядом с вратами, ожидая, когда они распахнутся шире.

– Гробницы?.. – прошептал Зим возбуждённо.

– Не знаю, – отозвалась я тихо. – Посмотрим.

– Ваши впускают всех, кто помнит, – продолжал знающий. – А эти? А если одного чаро-творного солнца мало будет?

Врата распахнулись ещё шире – я уже пролезу, а Зим пока нет.

– На месте разберёмся, – я напряжённо наблюдала за чернильной тьмой. – Всё равно *писать* никто из нас не умеет. И за пишущих мы не сойдём. Или нас пропустят, или нет. Третьего не дано.

Всё, теперь и Зим пролезет.

– Не подведи, Шамир, – я подняла на вытянутой руке своё солнышко. – И покажи, зачем мы внезапно лезем в очередную кладовую, а не за записями торопимся. Пожалуйста.

Вьюж не возвращался. Наставители встревоженно примолкли. Я осторожно проскользнула в щель, сделала пару шагов и подбросила солнце в воздух, быстро слепив второе. Не помогло. Тьма по-прежнему отражала или всё-таки поглощала любой свет. Даже я ничего не видела, что уж о Зиме говорить.

– Стой, – слышала я, однако, по-прежнему хорошо и лучше обычного человека. И шаги знающего расслышала, и чётко отметила его местонахождение.

Зим замер. Я погасила оба ненужных солнца, попятилась, ухватила своего спутника за рукав и попросила Вёртку:

– Иди вперёд, Вёрт, и предупреждай. Обо всём – от порогов и ступеней до...

А подруга придумала кое-что получше. Повертелась у моих ног, что-то почаровала, и я вдруг, моргнув, поняла, что... вижу. Пол слишком близко. И потёртые носки валенок... своих. И Зимовых сапог – рядом. Вёртке тьма нипочём! И я могу смотреть её глазами!

И, как выяснилось чуть позже, не только я. Когда я крепче перехватила руку Зима, между нашими запястьями вспыхнула искра и протянулась нить. Знающий тряхнул головой, моргнул и удивлённо уставился на меня.

– Я тебя вижу!.. – поведал он шёпотом. Огляделся и восторженно добавил: – И город!..

Да, когда Вёртка перебралась на мои плечи, я тоже это увидела: нас окружал город – город во тьме... город из теней. Ровные ряды пустых домов без крыш – словно продолжение верхних построек. Словно дома, как столбы, частично вкопали в землю. И, напрягая глаза, я даже «потолок» рассмотрела – дома упирались в него четвёртыми этажами, и он накрывал их, как полотенце чистые кружки. А ворота мерцали позади нас узкой алой расщелиной.

Был ли спуск в зачарованное теневое подземье из верхних домов? Наверное. Но, поди, лишь для посвящённых.

– Держимся друг за друга, – предупредила я, отыскав взглядом Вьюжа.

Я обычно видела в темноте так, точно предметы светились изнутри, разгоняя мрак. А вот Вёртка – так, точно сама была солнцем, и её лучики отражались от любых поверхностей как от зеркала.

– И здесь нет теней, – первым заметил Зим.

– Пошустрей, ребятки, – напряжённо поторопил нас дядя Смел. – Чары Вёртки небеско-нечны. Пока она даёт вам и свет, и воздух, но может быстро устать питать двоих.

Да, и воздух... почти нормальный.

Вьюж появился на крыльце ближайшего дома – вышел сквозь дверь и кивнул головой: мол, сюда. И я заподозрила, что дядя Смел ошибся. Это не пишущих кладовая, нет. Или – не только их. Если в наш нижний город впускали всех подряд, то почему бы нечто такое, общее, не обустроить и другим народам старой крови? Особенно в преддверии большой беды, когда не до гордости?

– Не может быть, чтобы нужное нашлось так быстро... – недоверчиво проворчал Зим, следуя за мной.

– Может, – возразила я, спеша к дому. – Мы не должны ничего тут искать – это не наше место. Не человечья кладовая, в смысле. И не кладовая искр. Мы должны тут *узнать*. Сакраль-

ные предметы или древние знания пишуших нам, Зим, не нужны, да и не отдаст их никто. Здесь точно есть свои стражи тайн. А вот узнать – да, нужно. Не спрашивай, что. Понятия не имею. Но точно что-то из потерянного и забытого прошлого.

Общего прошлого старой крови, раз вход – общее же для всех старокровных солнце.

Под нашими быстрыми шагами ни пыль не взметнулась, ни ступеньки не скрипнули. Казалось, здесь вообще ничего нет, кроме тьмы и векового одиночества. Вьюж снова вернулся в дом, пролетев сквозь стену. И я взялась за дверную ручку без сомнений. Почти понимая, кто нас встретит.

Дверь открылась внутрь бесшумно и без неприятностей. Я быстро перешагнула через порог. Зим последовал за мной и присвистнул.

Ничего. Небольшая и совершенно пустая комната без признаков дверей, окон или лестниц. И Вьюж сидит на полу, сложив крылья, и смотрит на меня так, точно я что-то знаю – то есть знаю, что делать дальше. А значит... так оно и есть.

Общее для всех место – и общее для всех нас солнце?..

В моей левой руке вспыхнуло солнце, и я произнесла то единственное, что знала – что не так давно подсмотрела в памяти Ясена:

– Город впустит того, кто захочет. Гробницы – того, кто знает. Склеп памяти – того, кто помнит. Но всякий пришедший должен быть верен народу искр... – и поправилась: – И народам старой крови.

– Наконец-то! – из стены выглянул вешун – сотканный из сотен искр невысокий силуэт: чёткий, глазастый, длинноволосый. Прищурился на нас подозрительно, оценил моё солнце и выбрался целиком. – И века не прошло! Говорящего не привели? Почему?

– Не сложилось, – коротко и вежливо ответила я.

– Жаль, – он недовольно поджал губы.

– Огнен, ты! – вмешалась Светла, и впервые со времён склепа памяти в её голосе зазвучало веселье. – Каким ворчуном был, таким и остался! Но как же я тебе рада!

Вешун уставился в одну точку над моим плечом, и я кожей ощутила чужое присутствие за своей спиной – чужое, но родное. Наставительница притаилась тенью – осязаемой, охраняющей.

– Светла? – протянул он недоверчиво и прищурился: – Вот так да! А ты что тут делаешь?

– Наставительствую, – рассмеялась она. – Верна мне не кровная, но Шамир в порядке исключения разрешил. Время-то нынче, после Забытых и с ними, сложное. Трудное. Любая помощь не лишняя, особенно тем, кто гоняется за Стужей.

– А ты всё такая же боевая, – неодобрительно покачал головой вешун говорящего Огнена. – И всё тебе мало, да?

– Мы тут не лишние, не? – шепнул Зим.

– Погоди, сейчас дойдём до главного, – прошептала в ответ я.

– Хорошей драки мало не бывает, – улыбнулась Светла и сразу посерьёзнала: – Особенно когда Шамиру нужна помощь. А ты-то здесь почему? И зачем?

– Ну вот, – я подмигнула знающему.

Вешун подобрался, насупился:

– Да дело это, проклятое, с Забытыми... Отца моего убили ещё до их появления. Весела. Ты его мало знала, зато братец твой... Ох, братец твой, Светла, куда он влез, дурак молодой... Он всё это придумывал – Забытых-то. Тогда-то я не знал, это мне потом мои рассказали. Когда я здесь обживался. А ты и сейчас не знаешь, поди, а?

– Нет, – голос наставительницы помертвел.

– Это Ясен услышал Шамира – и о том, что стихийных сил слишком много скопилось, и о том, какие они вредные. Для мирного будущего. А потом поделился его страхами с остальными. И придумал, как совместить потоки силы для вернувшихся. И участвовал. И это его

силу использовали для первых опытов. Да то ли не рассчитали... то ли нарочно убили. Знаешь, что он Зноем был? Другим всю силу для памяти отдал, а на себя не хватило. А ещё говорят, Стужа его на Гиблой тропе чем-то проклял, чтобы вернуть и использовать как Забытого, но тот быстро очухался и затеял месть. И искрящих как-то предупредил, чтобы никто в это дело больше ни ногой. Хотя они и сами поняли. Не дураки... в отличие от некоторых из нас.

Светла не то фыркнула, не то всхлипнула. А вещун сурово продолжал:

– А отец мой сгинул, но кое-что мне успел передать. Предупредил, что правды не скажет, не то я следом за ним отправлюсь, но велел все наши самые полезные знания и умения сохранить в вещуне. И спрятать в любой кладовой знаний. И я успел, Светла. До того как Стужа, сволочь эта недобитая, проклял старую кровь. Да, я знаю, что он. Ни у кого другого сил бы на это не хватило. Искрящие сильнее всех пострадали, потому что ни одного помощника для Стужи не нашлось. Мы – меньше, и, смешно сказать, благодаря предателям. Мы быстро нашли в себе это проклятье и поняли, чьих оно рук. Благо кладовых знаний у нас всегда много было. Повсюду.

– И вы поняли, что потеряли? – осторожно уточнила я, когда вещун на вдох-выдох замолчал.

– Нет, – он посмотрел на меня. – Мы это лишь *ощуцали*. Знаешь, как всю жизнь с длинными волосами проходили – и вдруг короткие. Остались старые привычки, с длиной связанные. Осталось понимание, что можно её вернуть. И, – он выпятил грудь, – остался я. Спасибо отцу. Вещунов проклятье не коснулось. Мне нужен говорящий. Шамир обещал, что в тихое время приведёт ко мне потомка.

Ах, Шамир...

– Однако пока он привёл к тебе того, кто знаком с твоим потомком, – весело сообщила я. Я говорящих-то знаю – раз, два, и обчёлся. Это или Травна, или Нема. Вернее, как шепчет внутренний голос, Нема.

Да, вот так... да.

– Отсюда мне ходу нет, – с сожалением сообщил вещун. – Я привязан к этому проклятому дому похлеще сторожевого пса. Да и из города нашего ни одной живой душе просто так не выбраться. Вот вы, детки, знаете, как выбираться, а? – и его глаза хитро заискрились.

И мне бы встревожиться, но я воодушевилась.

– Ни одной душе? – повторила я быстро. – Душе? То есть если мы Стужу сюда затащим, он тоже застрянет?

– А ну-ка, подойди-ка, девонька, – неожиданно ласково попросил вещун и протянул руку. – А дай-ка я посмотрю, что ты о нём знаешь. Когда-то я, живой, хорошо мысли читал, а это... Это всего лишь отражение меня. Осколок души. Но кое-что тоже умеет, не только знания хранит.

– Подойди, – мягко подтолкнула меня Светла. – Не бойся.

Да я и не... Ну чуть-чуть если только...

Вещун смотрел на меня очень долго, пристально, ищуще. У меня аж голова от его взгляда разболелась, точно я опять чужих воспоминаний перебрала.

– Да, – произнёс он наконец и улыбнулся – зло, понимающе... предвкушающе, – он отца убил. Безлетный. Забытый. Никаких сил не пожалею, если сюда заманите. Затащите. И я захлопну ворота. И смогу продержать их запертыми. Я не один, – добавил мягче. – Нас тут несколько – вещунов очень старых, сильных говорящих. Мы поможем.

– Не может быть всё так просто... – снова не то удивился, не то возмутился Зим.

– Может, мальчик, – вещун покровительственно кивнул. – Может. Шамир готовил всё это не один год. И даже не десять. Он повзрослел и поумнел, всё придумал и просчитал. Не вы бы пришли – он бы других привёл. В своё время – в нужное ему время. Может. Ты просто не понимаешь. Ты знаешь, что наш мир – живая душа. Ты знаешь – и ты не знаешь. Знаешь,

что живая, но не понимаешь... насколько. Это не просто птичка, малец. Не просто волшебная птичка.

Зим поджал губы и смутился как всегда, когда его учили жизни старшие и опытные. Я украдкой сжала его ладонь и примирительно заметила:

– Он на пути к пониманию, Огнен. Для обычного человека поверить в иной путь, найти его и ощутить под ногами – уже достижение.

– Вероятно, – теперь вещун уставился на знающего, как недавно смотрел на меня. – Всех, кого Шамир выбирает в помощники, непросты, и ты, мальчик... – и он обнаружил искомое на удивление быстро. И аж присвистнул: – Вернувшийся! Глазам своим не верю! Старый вернувшийся! Из первых!

Как вы всё это видите?! – мысленно взвыла я от досады. – Как?! Ну вот как?! Почему я не могу рассмотреть, а?

– Потому что, – хитро улыбнулся мне Огнен, – у тебя есть тело. Телесные возможности глаз весьма ограничены. Нам, духам, видно куда больше. Вы способны лишь ощущать чужую душу и разбираетесь в ней всю жизнь, тогда как нам она видится вторым телом. И душа, и все её особенности. Покажи, мальчик. То, что носишь с собой всю жизнь, но до сих пор не понимаешь, для чего.

– Карту, – тихо подсказала я.

Зим свободной рукой забрался под куртку, расстёгивая рубаху.

– Сам-то я и так вижу, – вещун склонил голову набок. – Вам хочу показать. Хотя это следовало давно сделать твоим, девочка, наставителям.

– Другой работы хватало, – не то сердито, не то виновато проворчал дядя Смел.

– И в самом деле, Огнен, – в голосе Светлы тоже почудилась вина.

– Так и скажите, что просто не обратили внимания, – добродушно хмыкнул вещун. – А теперь смотрите оба, дети.

Я повернулась к знающему, а он опустил глаза.

Карта изменилась! Ух!

– Это же Обжитые земли! – не поверил Зим. – Это же уже не пределы! Это же Солнечная долина!

– И это местонахождение Стужи, да? – я обернулась к Огнену.

– Перво-наперво это проклятье Забытого, – вещун задумчиво прищурился. – И что он в него вложил... сказать не берусь. Но точно должна быть защита для себя, любимого. И подчинение. Но раз ты, малец, здесь, значит, с подчинением у него ничего не вышло. Или не успел применить, или в чары кто-то вмешался. Скорее всего, второе. Вмешательства много вижу. Однако хорошо бы это проклятье показать безлетному, он точнее скажет. И, да, девонька, думаю, ты права. Это область, где можно найти Стужу.

– Спасибо! – вдохновилась я.

Хороша зацепка! И ещё одна разгаданная загадка!

Знающий же отчего-то посмурнел, опустил голову и снова занялся одеждой.

– А мы, Смел, этого не заметили, – расстроилась Светла. – И неизвестно, когда бы увидели перемену. Спасибо, Огнен.

– Не стоит, – вещун качнул головой. – Одно дело делаем, друзья мои. Одно общее дело. И ты права, Светла. Забот у вас, конечно, больше. Это я тут так соскучился, что сразу всё вижу. На покой бы... – он тряхнул длинными искристыми волосами: – Приведите мне говорящего. До Стужи. Чтобы я успел передать знания. На проклятье Забытого они не больно-то лягут, но мы поможем сотворить нового вещуна и слить всё в него.

– Шамир снимет проклятье, – заметила я. – Когда мы Стужу на Гиблую тропу отправим.

– Снять-то снимет, – кивнул вещун, – но мы-то – не вы. Мы-то не вспомним. И у вас наших знаний нет. Я должен успеть передать их хоть одному. И не только я. Если Стужа придёт сюда, мы все силы отдадим, чтобы его задержать. И тогда передавать знания будет некому.

– Извини... – смутилась я.

– Так что это за место? – осторожно вмешался Зим. – И почему отсюда не уйти?

Вещун улыбнулся:

– Потому что мы на это место *указали*. Мы его сотворили. И наделили теми свойствами, которые нам нужны, чтобы питать вещунов. Примерно так искры создают паутины дорог... или спрятанные дома. Или свои скрытые земли. Шамир так создал Гиблую тропу. И у безлетных с пишущими тоже есть свои зачарованные кладовые. Ну, искра? – и он весело подмигнул мне.

– Уйти отсюда можно лишь вашим коридором-указанием, да? – я хорошо помнила то, что подсмотрела в склепе памяти. – А разрушить его можно?

– Можно, – не стал обманывать Огнен. – Но на это потребуется много сил. И времени.

«Твоё дело – загнать Стужу в западню, – сказал недавно Равс. – В такое место, откуда он не сможет удрать. Слушай Шамира. Он укажет».

Вот и... *указал*. Что ж я такая несообразительная-то... Но я загоню. Я не я буду, но Стужа сюда придёт.

– А спрятанные дома искр? – Зим очнулся от своих хмурых мыслей, стеснений и прочего. И внимательно посмотрел на вешуна. – Они такое умеют? Задерживать и не выпускать?

– Старые – да, – Огнен одобрительно улыбнулся. – И они посерьёзней наших кладовых. Вопрос в другом: сохранились ли они? Новые-то, поди, есть, но они не чета прошлым.

– Этого я не знаю, – призналась я сразу.

– Это вряд ли, – тихо ответила Светла. – Стужа, конечно, знал, где мы будем прятаться и как трудно ему будет нас достать. Если искр полегло так много... то наши земли, дома и зачарованные кладовые были уничтожены Забытыми ещё до того, как они появились в людских городах.

– А «потеряшка» нужна для другого, – заметила я. – Старой крови где-то надо спрятаться от Стужи. Подставляться, умирать от его рук и питать Забытого силой точно нельзя. Иначе нас никакие зачарованные дома от него не спасут.

Нам это замечательное местечко для западни сойдёт, да. Осталось притащить сюда как можно больше интересного «сыра» и дать знать Стуже, куда ему очень надо попасть до «без четверти весны».

Зим открыл рот для нового вопроса, но Вьюж, тихо сидевший у стены, вдруг встрепенулся и тревожно сверкнул глазами. И Вёртка тихо запищала, предупреждая.

– Время! – заторопил нас дядя Смел. – Пора обратно. И живее, ребятки, живее. Огнен, соблаговоли указать путь.

– Жду говорящего, – снова напомнил вещун. По-человечески выдохнул и прошептал: – *Возвращайтесь к воротам в город*.

И нас подхватил солнечный ветер. Мгновение короткого полёта – и вот уже мы снова у алых врат, хватаем ртом воздух, вцепившись друг в друга. И Вёртка спешно ползёт в спячку – сильно щиплет копчик. И Вьюж тревожно ходит вокруг нас, убеждаясь, что мы почти в порядке. И Шамир птицей садится на приоткрытую створку.

– Многое... не узнали, – раздосадовано пробормотал Зим, едва отдышавшись.

И на снежно-белый мир ложились первые закатные тени. Долго мы продержались...

– Всего и не узнаем никогда, – я застегнула куртку и поправила сумку. – И сейчас это неважно. Сейчас, Зим, не это важно. Главное нам показали – подходящую западню. А всё остальное я и без Огнена вспомню, когда мы Стужу прищучим.

– Ты совсем его не боишься? – знающий улыбнулся.

– Боюсь, – призналась я, ёжась. – Ещё как. Аж трясти начинает, как вспомню. Но я верю Шамиру – и с каждым днём, с каждым открытием всё больше. Он не просто задумал нечто туманное и грандиозное, как с вернувшимися. Нет, у него есть хорошо продуманный план. И несколько запланированных чудес. Вот увидишь, всё получится. Главное, нам сдюжить. И не подвести его.

Зим украдкой подтянул штаны, расправил плечи, выпятил грудь и решил:

– Приведу сюда Стужу.

– Обсудим ближе к делу, – отмахнулась я, высматривая путеводную тропу Светлы.

Ещё же двадцать вёрст до Приозёрного... Шамир, а может, горками?... Что-то я... притомилась. Можно? Вот спасибо! Надоели эти пределы хуже горькой редьки... Хочу помыться нормально, поесть и в постель – тоже в нормальную. Хоть на одну ночь перед следующей горой работы. У нас же есть немного времени дух перевести, да?..

– Я приведу, – повторил знающий. Светлые глаза заискрились нездоровым азартом. – Сам он не пойдёт – хитрый, старый, не надо его недооценивать, Верн. И тебе его не заманить – тебе Стужа вряд ли поверит. А вот у меня шанс есть. Сдаться. Сломаться. Приползти под крылышко и за своей памятью. Надо только «сыр» нарыть... хороший. Чтобы Стужа точно клюнул.

– Обсудим, – повторила я тише, остро понимая... что не хочу. Не хочу отпускать его одного к Стуже. И, может, и не отпущу.

Завтра будет день – и будет пища. И неловко сменила тему:

– Ты горками хотел до Приозёрного? Да, можно. Больше нам здесь делать нечего.

– Ты против, – не отставал Зим. – Почему?

Почему-почему, балбес ты эдакий...

Я подняла на него глаза и жёстко сказала:

– Потому что сначала надо узнать, какие чары вшиты в твоё проклятье. Ты можешь уйти к Стуже самим собой, в себе и с делом, а вернуться тем древним безумцем на поводке. Помни, каким ты был во времена Забытых – хотя бы по нашим рассказам. И если в тебе найдут хоть одну искорку, способную сработать подчинением, ни к какому Забытому ты не пойдёшь. И вообще... Запру в «потеряшке». Или маме с дедом сдам на попечение. У меня дед знаешь, какой? С ним не забалуешь. Клюкой по хребту как приголубит – сразу поймёшь, за что и почему. И что больше так не будешь.

Знающий хмыкнул, «поугас» – но меня не убедил. Если он решил влезть в заброшенный дом – всё равно влезет. Мы это уже несколько раз проходили.

Я вздохнула, понимая, что ему опять нужно честное признание – чтобы поверил и задушил в себе дурные мысли, – отвернулась, прищурилась на далёкие закатные полосы и осторожно начала:

– Ты понял про моего деда, да? До Гиблой тропы и знающих я росла под строгим домашним надзором. И лишь оказавшись в общине, поняла, что такое свобода. Делать что хочется. Думать о чём нравится. И даже мечтать – о чём мечтается, а не что дед велит. Я люблю свою семью, и такое воспитание... оно правильное. Для нас. Для молодых и дурных искр, которые рвутся в бой с пелёнок. Правда, иногда кажется, что потому-то нас по юности и взрывалось так много: потому что сначала вообще ничего нельзя, а после можно всё и сразу.

Шамир-птица склонил голову набок, не сводя с меня внимательных немигающих глаз. И, показалось, даже наставители затаили дыхание, прислушиваясь. Вот совершенно не собиралась прилюдно излить душу, но...

– Два года среди знающих – глоток свежего воздуха, – продолжала я тихо. – Делай что хочешь, лишь бы на благо Шамира. Наставитель Ветрен никогда меня не заставлял. Задания давал на выбор: куда хочешь – туда и поезжай, а не хочешь ехать далеко – выбирай любой город и бди там всю осень. А как она кончится – хоть в спячку залегай до следующей рыжей луны. Но

– случилась Солнечная долина. Тихна с Гордой. Дыхание Стужи. Тени Забытых. Новая старая опасность. Знаки Шамира и его шёпот, – я обернулась к Зиму. – Знаешь, что я сделала?

Он понял – по серьёзным глазам видела. Но всё равно закончила:

– Я забыла о себе – о своих мечтушках, хочущих и немогушках. Сразу задавила в себе сопротивление и всяческие свои начинания, потому что понимала: Шамир знает лучше. И Забытые – это не то дело, где нужно моё «а вот я...» Иногда наши с ним потребности совпадали, но чаще нет. Я шла туда, куда нужно, и делала то, что должно. Хотя большую часть пути я не понимала, что меня ждёт, с чем придётся воевать и что откапывать. И что узнавать. Я, Зим, невозможно от этого устала – это выматывает больше бесконечных дорог и ловушек Стужи. И я тоже очень хочу заявить: «Я туда пойду, я то сделаю», но я молчу и не дёргаюсь. Потому что...

– ... Забытые – не тот случай, где нужны наши начинания, – повторил знающий.

– Вот именно. Забытые – это то, где мы должны делать не то, что душа велит, а то, что надо. То, что давно придумано и распланировано тем, кто старше и умнее. И лучше нас с тобой знает Стужу и его слабые места. Конечно, если бы Шамир нашёл свободного вещуна, он бы объяснил, что и зачем, – я посмотрела на птицу, и она, подтверждая, кивнула. – Но он пока может лишь направлять. И хорошо, что хотя бы так помогает. И чем мы ближе к Стуже – тем заметней его помощь. Чтобы мы справились наверняка. Понимаешь?

– Извини, – Зим вздохнул и повёл плечами. – Я понял. Спасибо. Пойдём?

– Давай пока без горок, – я привычно поправила сумку и первой направилась к тропе Светлы. – Воздухом подышим. Место подходящее найдём и перекусим. Или до горок лучше не надо?

И чуть-чуть возмутимся и посопровитвляемся своим временно распланированным жизням, да. Хоть так.

– Я же не Стужа, – весело напомнил знающий. – Я такое, как во вратах, не создам. Это не горки, Верн. Это просто ледяные дорожки. И попутный ветер в спину. Как на санях без ездового пса.

Скрипнула, закрываясь, алая створка, когда Шамир бесшумно поднялся в небо и исчез в золотых облаках. Врата замкнулись и замерли в ожидании. Вьюж опустился на землю и лениво потрусил за нами по волшебной тропе. Наставители, судя по ощущениям, *ушли* – я не чувствовала их, как прежде. И мы с Зимом, став ещё на шаг ближе друг к другу, неторопливо направилась к Приозёрному. И мне на душе стало легче.

Выскажешься через не могу, отведёшь душу, увидишь чужое понимание, поделишь ответственность – и так отпускает...

– Он что, Верн, и правда клюкой?..

– Махал много, да. Мальчишкам под зад мог наподдать. Но меня не трогал. Любил очень. Хотя и ворчал, что дурусти и воли во мне много.

– В тебе?!

– И был прав. Довели же они меня до беды – и до Гиблой тропы. Но я не жалею. Бесконечно учиться при сплошном «нельзя» и «вот когда вырастешь» – это очень скучно.

– А я бы поучился. Расскажешь потом, в каких кладовых самое нужное и интересное хранится?

– Конечно.

Главное, чтобы мы до него дожили – до этого греющего душу и щемящего «потом».

Глава 4. Кладовая мрака

От Приозёрного вообще ничего не осталось – сплошные заметённые снегом холмы горками пуховых подушек. Никаких огрызков стен или врат, лишь сизые вечерние тени под холмами и алое солнце на кромке окоёма.

Зим тревожно огляделся, сбросил сумки, сел и зарылся пальцами в снег. Вьюж тоже уткнулся носом в ближайший сугроб. А я прислушалась к бормотанию Светлы – наставительница пыталась понять, где именно мы находимся и как отсюда добраться до тайника Мечена.

– Этот снег меня помнит, – знающий скатал свой любимый снежок и поднял голову. – И ты права – город не я разрушил. Местные постарались... из-за меня, – добавил виновато и встал. – Я знаю дорогу к озеру.

– Осторожнее, – в голосе Светлы звякнуло напряжение. – Я тоже знаю путь. И оттуда тянет сильными чарами. Опасными. Пишущий постарался – хорошо прикрыл ценности.

– И я, – добавил Зим мрачно. – Чтобы старая кровь не добралась. Вы их не ощущаете, «скользкие» они. А вот я... – и он обернулся к Вьюжу. – И ты, дружище. Ты должен их ощущать.

Вьюж взъерошился и чутко повёл длинными ушами. Его глаза стали ослепительно белыми, а вокруг лап взвихрился мелкий снег. Да, он явно ощущал. И готовился прорываться сквозь них с боем. Вёртка, почуяв интересное, вяло шевельнулась во сне, но я сразу запретила ей просыпаться. И без того вымоталась. Отдыхай.

– Снять сможешь? – я сбросила на снег куртку. И, подумав, села разуваться.

Вероятно, скоро в этой местности ненадолго станет жарко. Да и давненько я ноги в холоде не разминала. И не разгоралась как следует.

– Не уверен, – знающий зажмурился, быстро-быстро катая снежок по ладони. – Кажется, тогда я был сильнее. И точно знал и умел больше, чем сейчас.

– Голодное зимнее безумие, – напомнил дядя Смел. – Все помнят Лоскутный и внезапно обезумевших людей? Кажется, что безумие делает человека сильнее, но это не так. Нет, парень, ты не был тогда сильнее. Ты был таким же, как сейчас. Просто ни искры не соображал и тратил сразу всё, тогда как человек разумный приберегает кое-какие силы на будущее. Хотя бы чтобы после чар очнуться и свалить куда подальше.

– Может, именно это тебя и подвело? – предположила я. – Тогда? Пределы исполосовала сезонная сила Забытых, и пока ты чаровал в полосе Стужи, всё получалось, а когда так же вывернулся в полосе Бури или Зноя, тебя и накрыло. Искры в таком случае взрываются, а безлетные...

Я ищуще посмотрела на Вьюжа, а тот закрыл глаза и опустил голову на грудь – будто уснул.

– А безлетные без силы засыпают, – подтвердила Светла. – Это похоже на правду, Верна. И подобрать Зима мог тот же Яс. Он же отлично слышал голос Шамира, а тот всегда знает, где что случается. И спрятать потом, и привести безлетных, чтобы изменить чары, тоже мог.

– Как и разбудить, – добавил дядя. – Вы же примерно в одно время среди знающих появились, а? Вы трое – ты, Стужа и Зной?

– Ясен, – сдержанно поправила искрящая. Не нравилось ей слышать о том, кем был её брат. Хоть и не по своей вине.

– Не в один сезон, – Зим сунул снежок в карман расстёгнутой куртки и избавился от всех сумок, кроме одной – со свежими припасами. – Но в один год. И почему-то Ясен был без чужого обличья – в своём родном. Почему? Его же Стужа узнать мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.